

История России в историях евреев

Я открыл закономерность Ту, что Ньютон прозевал: Сохраняют люди верность Вере той, что папа дал. Ай, да Ньютон хоть Исаак С яблоком попал впросак. Как то я, смакуя виски, Вдохновения искал. Плод от яблони так близко Не случайно ведь лежал. От отцов приходит вера, Что все беды от евреев. Это вера на несчастье. Точно вера во Христа. В непорочное зачатие Люди верят неспроста. Так от деда, к папе, к сыну, Хоть не счесть пядей во лбу, Нет, не изменить картину Пока нужно кой-кому. Вот когда средневековье Россиянам надоест, На безумные оковы Наконец поставят крест.

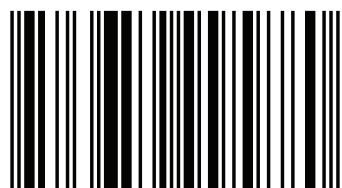
Михаил Левин

Родился в Куибышеве в 1944 году. С 1945 по 1990 жил в г. Минске. Окончил минский медицинский институт. Доктор медицинских наук. С 1990 г. проживаю в Израиле.

История России в рассказах евреев

Михаил Левин

YAM publishing

978-3-659-99588-0

Михаил Левин

История России в историях евреев

Краткий курс (1913-2013)

Михаил Левин

История России в историях евреев

Михаил Левин

История России в историях евреев

Краткий курс (1913-2013)

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@yam-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-99588-0

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Содержание

Введение	стр. 3
Глава I. История Лазаря Кучинского	13
Навстречу 20 веку	13
Сказочное детство	15
Рогачев	22
Семья и школьные годы	28
Общественная работа и переселение евреев	36
На войне	41
На перевоспитании в ГУЛАГе	46
Глава II. Шлимазл	57
Игры в демократию	69
Внештатный сотрудник	77
Проснулся антисемитизм	85
Страх и угрызенья совести	89
Глава III. Рыжий	95
Типичная история	97
Болезнь	101
Глава IV. О чем рассказали евреи?	107
Озверение	107
Восхождение	109
Антисемитизм	115

Введение

Однажды я пришел к мысли, что глупо было выбирать специальность в возрасте 16 лет сразу после окончания школы. Откуда мне было знать, что у меня способности, необходимые для профессии врача? А вдруг из меня вышел бы успешный писатель? Для того чтобы подтвердить или исключить такой вариант, необходимо было хотя бы попробовать. На всякий случай я начал записывать истории встреченных на моем пути людей. Жизнь показала, что мой выбор профессии оказался верным. И мне пришлось смириться с отсутствием литературных способностей. Когда же спустя много лет я перечитывал свои записи, мне показались, что истории жизни моих знакомых не только интересны сами по себе, но они проливают свет на историю вообще. Ниже приводятся только три рассказа, которые я расставил в исторической последовательности. Я желаю Вам получить удовольствие от чтения. Постарайтесь встроить эти рассказы в реку исторических событий российской жизни с конца 19 до начала 21 веков. И давайте встретимся в конце книги, чтобы поделиться своими впечатлениями.

Израиль. Летнее солнце начинало припекать, когда белый минибус подъехал к одноэтажному зданию, где размещался клуб пенсионеров. Два раза в неделю водитель подбирал одних и тех пассажиров возле их домов. Если в условленное время пассажир не появлялся, его ждали 10 минут, только после этого спешили за следующим. Водитель открыл двери, жар ворвался в кабину. Из боковой двери автобуса медленно выкарабкивались старички. В это время водитель через заднюю дверь спускал на подъемнике прикованную к коляске улыбающуюся даму. К ней подошел коренастый старичок с рыжими пушистыми бровями в белом кепи и покатил ее впереди себя через холл во внутренний дворик. Женщина быстрым движением прикрыла цветным полотенцем

висящий на подлокотнике прозрачный мешок с мочой. Ее звали Геней. Она любила анекдоты и умела их рассказывать. Предпочитала скабрзные, которые смущали даже ее много повидавших друзей. Ее спутнику было за девяносто. Несмотря на свой возраст, он обладал поразительной памятью и отменным здоровьем. Во всяком случае, так думали все, так как никогда не слышали его жалоб.

- Лазарь, - обратилась к нему Геня, - мне вчера рассказали анекдот, который и для Вас будет в новинку.

- Сомневаюсь. Все анекдоты, которые Вы рассказывали до сих пор, были бородастыми. А если новый анекдот с душком, поберегите его лучше для Фридриха.

- Я думаю, этот таки Вам не известен, - ответила Геня, - потому что он постарше Вас и, поверьте, совершенно безобидный. И, так, - продолжала она ...

К одному ксендзу пришли друзья, местная интеллигенция, и начали спорить, уходит или нет душа человека, когда он спит. Мнения разделились, и тогда один из гостей обратился к экономке, которая прислуживала за столом:

- Как ты думаешь, Кристина, уходит ночью душа, когда человек спит или нет?

- Моя комната, - ответила женщина, - находится по соседству с комнатой ксендза, и я почти каждый вечер слышу, как ксендз просит.

- «Не уходи, душенька, не уходи!» - Значит она уходит.

Геня вопросительно взглянула на собеседника. - Ну, что скажете господин хороший?

- На этот раз, в самом деле, что-то новенькое. Где это Вы, если не секрет, выкопали анекдот старше меня?

- Я его нашла в мемуарах моего родственника. Вся его длинная жизнь вместились всего на пяти страницах. Разве это не анекдот?

Они добрались до столика, который всегда занимала их компания. Во внутреннем дворике, обнесенном решетчатым железным забором и разросшимся с обеих сторон цветущим кустарником, под навесами располагались шесть таких столов. Их стол, в отличие от других, защищала от солнца тень развесистой пальмы. Фридрих и Давид уже сидели на своих местах. Эту компанию объединял русский язык.

Когда после завтрака убрали приборы, Геня вытащила карты, и они начали расписывать «кинга». Первым, как всегда, сдался Давид. Он потерял концентрацию внимания, перестал следить за ушедшей картой и начал делать непростительные ошибки. Из-за этого и другие члены компании потеряли интерес к игре, и перешли к обсуждению политических событий.

- Что Вы думаете, Лазарь, за мирный процесс? - Задал вопрос Фридрих. Через его отвисшую влажную губу вперед выступали искусственные зубы нижней челюсти. Сквозь блики старинных круглых очков вспыхнул хитрый прищур подслеповатых глаз. Несмотря на свой возраст, он был интересным собеседником, но издавна слыл не сдержанным, и не, то чтобы не умным, а нерасчетливым человеком. В молодые годы из-за своего языка он имел большие неприятности с советской властью.

- Я не вижу никаких перспектив. – Начал Лазарь. - Ни евреи, ни арабы не готовы к миру. У палестинцев слишком велика ненависть к евреям. А ненависть вообще иррациональна. Она затмевает разум. Никакие доводы о пользе мира для палестинцев не могут убедить их прекратить террор. В последнее время умами арабов завладели религиозные деятели крайнего толка. Они убеждают население территорий, что только убийство евреев, может заставить нас пойти на уступки.

- Ви знаете, - подхватил Фридрих с характерным идишеским прононсом, смягчая гласные и растягивая слова, - террористы самоубийцы думают, что, убивая неверных, они сразу попадут в Рай.

Так им втолковывают муллы. Их многодетные семьи живут в нищенских условиях. После смерти террориста-самоубийцы семья получает большие деньги. Вот вам и моральный, и материальный стимулы.

Фридрих оглядел слушателей. Давид сидел безучастный, пережевывая свои думы. А Геня внимательно слушала беседу мужчин, ожидая возможности внедриться в их разговор с какой-либо оригинальной мыслью или, в крайнем случае, с метким анекдотом на эту же тему.

- Это слишком упрощенный взгляд, - подхватил Лазарь. - Корень наших проблем с арабами в том, что оба народа претендуют на одну и ту же землю. Палестинцы говорят, что защищают свое право, не имея, в противовес евреям, самолетов, танков и ракет. С их точки зрения только террор, каким-то образом, уравнивает наши козыри. И, если смотреть правде в глаза, так оно и есть. Кто бы говорил с ними о мирном процессе, о возможности организации палестинского государства, если бы израильтяне не пришли к выводу, что только так можно прекратить арабский террор? А палестинцы, убедившись, что политика терроризма приносит успех, усиливают давление на израильтян, взрывая автобусы, убивая ни в чем не повинных людей. С точки зрения современной цивилизации это отвратительно, неприемлемо, но, опять-таки, эффективно. Террор стал частью их идеологии.

- Вы оправдываете террор? - С удивлением спросила Геня.

- Да нет, что Вы! Но чтобы успешно бороться с врагом, нужно его понять. Унижая врага, приписывая ему меркантильные интересы и трусость, мы только ослабляем свои позиции. Это, во-первых, А, во-вторых, разве не евреи во времена английского мандата использовали террор для освобождения Палестины?

- Объясните, пожалуйста, что значит понять палестинцев. – Засуетился Фридрих. - Отдать им Западный Берег и Иерусалим? Тогда они захотят Яфо и Хайфу. Не секрет, что они мечтают скинуть нас в море. Они даже не скрывают этого. Для них государство Израиль не существует. Это всего лишь сионистское образование. Так написано даже в их школьных учебниках. Их вожди слепы и глухи к существующим реалиям. Все, что они говорят для Запада, ложь. На площадях перед своим народом они призывают совершенно к другому. Такова арабская хитрость. Вы, левые, как страусы, закрываете глаза на очевидные истины. Ваша борьба за правду и демократию в союзе с палестинцами – это чушь собачья. – От возбуждения Фридрих не находил себе места, заерзал и закричал. – Я, слава Богу, получил прививку от разных теорий еще в Союзе. Сила – это единственная наша защита и надежда. Пока мы сильнее арабов, мы будем, государство не пропадет. Если же мы преподнесем им на тарелочке государство, все пропало. Насколько будут они сильны, настолько слабее будет наша страна.

Несмотря на то, что этот спор вспыхивал между ними довольно часто, Фридрих всегда реагировал эмоционально. Вот и сейчас он стал задыхаться, и вокруг рта появилась синева.

- Молодой человек, успокойтесь! Вы согласны, что палестинские арабы такой же народ, как любой? – Получив утвердительный наклон головы, Лазарь продолжал. - Во время шестидневной войны израильские войска, защищая свои интересы, заняли, а если выразаться точнее, захватили, территорию, заселенную палестинцами. Израиль присоединил их? Нет! Способствовал их развитию? Нет! Там властвовала военная администрация. Ведь в первое время после войны израильтяне свободно посещали территории, по дешевке покупали там продукты. И что? Прошли многие годы. Количество коек в их больницах осталось таким же, как

до войны. И так все. Народ был нищим и обнищал еще больше. Французский журналист, кстати, еврей, который посетил недавно Газу, утверждал, что подобной нищеты и развала он не видел нигде. Зловонные сточные воды речушками текут вдоль улиц. Мы презрели интересы палестинцев. В ответ мы получили их ненависть. Бедность и несправедливость толкает молодежь на крайние формы борьбы. Неудивительно, что многие из них готовы отдать жизнь в этой схватке. Выход из этой ситуации один – дать им возможность жить самостоятельно в своем государстве.

- Хе, кто бы возражал, – ухмыльнулся Фридрих. - Нам то, все равно. А где будут жить наши внуки? Сначала по соседству с вражеским государством, которое исподтишка будет раздражать Израиль все нарастающим террором, требуя возвращения палестинских беженцев на нашу территорию. А после переселения миллионов арабов государство не только потеряет еврейское большинство и еврейскую сущность, но и всех евреев, как это произошло в югославском Косово. В исконно сербский регион переселились албанцы и в результате демографического взрыва постепенно составили более 90% населения. Сербов уже там и жить не могут. Албанское большинство демократическими и террористическими способами вытесняет последних славян. А что произошло с Нагорным Карабахом? Армяне постепенно составили большинство населения и вытеснили азербайджанцев с их территории. Сейчас уже поздно посылать туда международные силы. – Фридрих замолчал и осунулся. Видно было, что он истратил последние душевные силы.

- Как Вы не понимаете? - Возразил Лазарь, с выражением усталости из-за необходимости повторять одни и те же аргументы. – Другого выхода нет. Нам все равно придется отдать Восточный Иерусалим, Западный берег и Газу палестинцам. Так не лучше ли это сделать сейчас, не дожидаясь многочисленных жертв с обеих сторон?

- Нет, выход есть! Нам нужно продолжать делать то, что мы делали на протяжении пятидесяти лет – уничтожать террористов, защищать наше государство. Просто делать это нужно с удвоенной силой. Левых подводит психология обывателя. Я помню, когда был мальчиком, думал, что после окончания хедера стану, наконец, свободным. Вот будет хорошо! После окончания хедера, думал, что станет хорошо, когда устроюсь на работу, когда женюсь, потом - когда получу квартиру, потом - когда уйду на пенсию. И вот уже многие годы мне все хуже и хуже. С каким наслаждением я вспоминаю прошедшие годы. Вот тогда мне было хорошо. Человек устроен так, что ему, кажется, будто вот сейчас нужно сделать решающий шаг, и будет хорошо и навсегда. Но каждый шаг это только ступенька в будущее. И нельзя перескакивать через ступеньки – можно сломать голову. Сейчас даже в далекой перспективе не видно разрешения нашего конфликта с палестинцами. Разве, что после прихода Машияха.

В это время встрепенулся от спячки Давид. Несмотря на то, что в этой компании он был самым молодым, возраст уже оказал на него свое пагубное влияние. В прошлом коммунист, он и в Израиле с ностальгией вспоминал о советских временах. Честность всегда была его главным достоинством. А сам он служил замечательным подтверждением правила о несовместимости трех характеристик: ума, честности и партийной принадлежности к КПСС. Вступая в разговор, Давид обычно переходил к одной из трех, волнующих его тем. Во-первых, осуждал строительных подрядчиков, которые искусственно вздувают цены на квартиры, из-за чего его дети вынуждены брать в банке закабальюющие ссуды. И не воспринимал объяснения, что в условиях рынка цены на квартиры регулируются балансом спроса и предложения. Во-вторых, он сетовал, что распад СССР, привел к разрыву хозяйственных связей между предприятиями, в результате чего они не могут нормально

функционировать. "Как может прожить Белоруссия, которая так бедна природными ресурсами?" – восклицал он.- "Все, что нужно для производства и потребления, возражали ему, можно купить за деньги, как это делает Израиль, не менее бедный этими природными ресурсами, окруженный морями и вражескими государствами". Но Давид, как честный коммунист, принципиально оставался на своих позициях.

Вот и сейчас он вступил в разговор с известной уже всем теорией, которую он, наверняка, почерпнул из русскоязычных газет.

- Я думаю, что вся беда в борьбе религий. – Он не заметил, как его собеседники потупили взор. Не только из уважения к его прошлому, но понимая так же, что любые возражения упадут на безжизненную почву, они замерли в молчании. – Мусульмане, их так много. – Продолжал Давид. - Они хотят захватить весь мир. Это совсем другая цивилизация. Они хотят заставить всех перейти в свою веру, или уничтожить. Ничего хорошего я от них не жду.

- Боже мой! - воскликнула Геня. – Как надоели мне ваши политические дискуссии. Каждый день одно и то же. Можно подумать, что к вашему мнению прислушиваются там. – Она резко ткнула пальцем вверх. Не понятно, кого она имела в виду Господа Бога или правительство. - Послушайте, что я вам скажу. – С хитрой улыбкой продолжила она. – Еще до войны, когда закрыли еврейские школы, я пошла устраиваться учительницей в русскую школу. «Вы член партии?» – Спросил меня директор. – Я еще плохо знала русский язык. Услышав слово «член», я смутилась и сказала. – Нет! Что Вы!

Лазарь улыбнулся. Он знал этот анекдот. Компания начала распадаться. Давид с Геней стали играть в шашки. Фридрих уткнулся в газету и тут же уснул. А Лазарь, который еще с детства знал иврит, пересел к соседнему столику.

После обеда стало скучно. Давид периодически смотрел на часы. Ему уже не терпелось уехать домой. Послеобеденная дремота сморила других мужчин. И тут Геню осенила идея, с которой она тут же решила поделиться. Постучав костяшками пальцев по столу, и завладев, таким образом, вниманием соседей, Геня приступила к делу.

- Друзья, нам ли спорить о политике? Ведь наше с вами будущее ясно как божий день. По самым оптимистическим прогнозам осталось год или два, пока голова ясна. Зато позади у нас многие годы и разные события. Разве не интересно вспомнить о них, пройтись по прошлой жизни. Я предлагаю по очереди рассказывать о себе. Так быстрее будет бежать время, а если надоест – прекратим. Вот и все.

- Ах, не о чем рассказывать. – Пессимистично изрек Давид. – Все прошло, и вспомнить нечего. Плохо слышу, плохо вижу, все болит, и никто не может мне помочь. Врачи называются. Говорят по возрасту. Вы, Лазарь, старше меня, а видите и слышите хорошо.

- Я не буду Вам рассказывать о том, что меня беспокоит. – Ответил Лазарь. - Вам это, наверняка, не интересно. – И обращаясь к Гене, сказал. – Ваше предложение мне по душе. Почему бы не попробовать? Я давно начал писать воспоминания. Завтра я принесу свои тетради, и начнем.

Социальный работник сообщила, что уже пришла машина, и члены клуба засеменяли к выходу.

Следующая их встреча состоялась через два дня. После завтрака Лазарь вытащил из целлофанового мешка тонкую ученическую тетрадь и предложил. – Если вы не возражаете, я начну читать свои записи. – Все утвердительно замахали головами.

Глава I. История Лазаря Кучинского

Навстречу 20-му веку

Меня неудержимо тянет написать воспоминания о пройденной жизни. Я задаю себе вопрос – почему? Единственного и простого ответа у меня нет. Прославиться мне не суждено, хотя бы потому, что уже нет времени – я стар. Мне исполнилось 75 лет.

- Это я писал еще в Союзе. – Вставил Лазарь, окинув слушателей вопросительным взглядом. Как бы спрашивая, - Ну, как? Готовы? - А затем продолжал. Этот срок считается пределом нормы. Все что далее – это подарок судьбы. С годами все меньше и скуднее круг общения. Мои ровесники малочисленны и скучны. Их интересы ограничиваются проблемами здоровья, семейных неурядиц и брюзжанием по поводу политики. А у молодых свои проблемы. Им не до меня. Может быть, мне хочется окупиться в воспоминания, чтобы разукрасить старость? Или страшит сознание полностью уйти в небытие? И в самом деле, трудно себе представить, что этот прекрасный мир будет существовать без меня. Только изредка мои дети, внуки и правнуки, перелистывая фотоальбом, вспомнят обо мне – это дедушка Лазарь. Вероятно, что совершенно бессознательно, я хочу оставить свои воспоминания, как частицу самого себя. Этим я вряд ли отличаюсь от всех живших и ныне живущих. Чего ради, например, фараоны еще при своей жизни строили пирамиды для погребения своих тел. С какой целью украшают могилы памятниками? Я далек от мысли, что история моей жизни может кого-либо заинтересовать, хотя, если быть искренним до конца, мне бы этого очень хотелось.

Посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Как много из истории мы знаем о деталях жизни разных знаменитостей. Например, имена любовниц французских королей. Впрочем, и короли не всегда стоили того внимания, которым наградила их история. Но, с историей не

поспоришь. И все же, не обедняют ли себя простые люди, забывая своих предков, которые передали им гены, обычаи и надежду. Безусловно – это проблема культуры. На меня большое впечатление произвел случай, который произошел в 1944 году, когда наша воинская часть находилась в немецком городе Нойбаме. Близился разгром фашистской Германии, а в нашей госпитальной канцелярии, которой я командовал, истощился запас писчей бумаги. Приходилось писать на желтой оберточной. К этому времени, в связи с близостью фронта все жители города, до единого, были эвакуированы за его пределы. И тогда штабные писари стали шарить по пустующим домам в поисках чистой бумаги. Они притащили мне стопки частично заполненных тетрадей. Но радость моя была преждевременной. Оказалось, что большинство из них были исписаны пятьдесят и более лет назад и представляли собой школьные работы по математике отцов и дедушек. Попадались общие тетради с мемуарами далеких предков. Все тетради были в прекрасной сохранности, а некоторые из них были перевязаны ленточками. По тому, как бережно относились хозяева к этому наследству, чувствовалось уважение к своим предкам, как к своему, именно своему, прошлому. Поэтому мы не решились уничтожить свои находки.

Я был бы благодарен своим предшественникам, если бы они оставили мемуары. Но, к сожалению, отец и дедушка не дожили до спокойной старости. Кроме того, они были очень религиозными и на исходе дней своих полностью посвятили себя служению Богу, чтобы занять приличное место в загробном мире.

Когда впервые в далекой молодости я представил, что мне придется умереть, я равнодушно отбросил эту вероятность как далекую и почти невероятную. С возрастом я думаю о смерти все чаще и почти свыкся с ее неизбежностью. Но это не тревожит мою душу потому, что мой срок не установлен, и подсознательно я отодвигаю его на «когда-а-а-нибудь», то есть, на очень далеко.

Однажды мне приснилось, что врачи нашли у меня рак. Я не могу передать, какой силы шок я испытал во сне. Грудь раздирало клокочущее рыдание. Как я жалел, что это не сон. Когда же проснулся в холодном поту и понял, что это было только сновидение, счастьем моему не было предела.

Нет способов точной передачи ощущений от одного человека к другому. В многочисленных попытках приблизиться к реальной передаче образов, люди придумали поэзию, живопись и музыку, но по глубине вызываемых чувств, все они далеки от действительных, жизненных переживаний. Можно согласиться, что как радостные, так и горестные переживания воспитывают чувства, дают возможность глубже познать себя и свое место в этом мире. Но одно из них я бы не хотел испытать в реальности. Осознания близкого конца. Я начинаю свой рассказ и надеюсь, что судьба даст довести его до конца.

Сказочное детство

Я родился в селе Малевичи, Луковской волости, Рогачевского уезда, Могилевской губернии в конце девятнадцатого столетия. Наше село было железнодорожным разъездом между станциями Жлобин и Красный Берег на тракте Жлобин-Казимирово. Оно находилось в десяти верстах от Жлобина и в двадцати от Рогачева. Вокруг села на расстоянии от двух до пяти километров рассыпались маленькие деревушки: Кабановка, Шляхетская околица, Малевическая Рудня, Роги и Белицкая слободка.

В центре Малевичей на пригорке, фронтоном к северу стояла красивая Успенская церковь в окружении кленовой рощи. Напротив, через дорогу находился дом священника Стародомского, а во дворе на высоких столбах – две голубятни. Несколько далее находилась кузница, за которой была дорога, усаженная липами, ведущая к покоем помещика Жуковского. Его синий большой дом с резными крылечками

располагался в окружении большого фруктового сада. Перед входом находился роскошный цветник. Самого помещика и его жены в мое время уже не было в живых. От имени наследников имением управлял строгий поляк Гаврилкевич с длинными рыжими усами и бакенбардами. Мой дядя Михель, брат дедушки Гирша, в свое время арендовал у помещика корчму, и, когда дядя выдавал замуж свою младшую дочь Рахиль, помещик разрешил ему сыграть свадьбу в помещичьих покоях. Долго после этого рассказывали на селе о красоте комнат, паркетных полах и люстрах.

Между улицами Заградье и Новики протекала речушка Добрица, в которой крестьяне стирали белье, а летом в ней купались все селяне. В Малевичах было несколько семейств аистов. На лужайке возле речки они лакомились пиявками и лягушками. Одно гнездо высилось на высоком клене у церкви, второе - на ветряной мельнице Федора Красняка, а третье находилось в помещичьем саду. К нашей шестерке аистов часто прилетали гости из других мест, а тогда на лужайке у Добрицы можно было насчитать десятка полтора длинноногих. В ясную погоду они делали плавные круги над селом, и это зрелище захватывало мое воображение. Я мог часами любоваться прекрасными птицами, смотреть за полетами бабочек и стрекоз. Занятно было наблюдать, как возвращаются с поля коровы, овцы и свиньи. Самым интересным развлечением было следить за проезжающими по тракту подводами. Изредка можно было увидеть пронсящий экипаж с бубенцами какого-либо барина или чиновника. Вот уж было о чем рассказать дома. В плохую погоду я ходил в гости к дедушке, или к тете Басе, сестре дедушки, которая меня всегда угощала свежими бубликами, а когда бубликов не было, рассказывала сказку.

Случались дни, которые остались в памяти на всю жизнь. Это, в первую очередь, ярмарочные дни в праздники Успения и Воздвижения. Возле церкви выстраивались длинные шеренги балаганов со

всевозможными товарами. В центре высилась карусель, играла шарманка, а за балаганами находились сотни подвод. Продавали скот. На всю площадь горланили цыгане, расхваливая своих лошадей. Шумно и весело тогда было в обычно тихом селе. Ребятишки босиком сновали между балаганами, стреляли бумажными пистонами, свистели, резвились, а некоторые под шумиху таскали у зазевавших продавцов пряники и конфеты. Девушки с разноцветными лентами и бусами, наряженные и напомаженные, звонко смеялись над шутками своих кавалеров, щеголявших в начищенных до блеска штиблетах. Мужики постарше примеряли барашковые шапки и тулупы, а бабы пробовали горшки «на звон». Приезжал следить за порядком урядник Давыдов со своими сотрудниками. Был тут же и сельский староста Терентий Байкачев, мужик умный и степенный. У представителей властей, как правило, работы было не много. Хотя многие мужчины были под хмельком, все же ярмарки кончались без скандалов. Население нашего села, отличалась от других деревень хорошим поведением.

Были дни менее памятные, но не обыденные. Это когда в церкви под музыку венчались молодые пары. Тогда лошадей украшали нарядной упряжью и лентами. Шаферы с цветами на груди сопровождали невест, которые наряжались во все белое. Девушки бледные и счастливые чинно вступали под венец. Мальчишки вертелись всюду, не обращая внимания на пинки. Зато иногда кому-нибудь перепал кусок сладкого пирога или конфеты. После свадьбы на разукрашенной лошади невеста переезжала в дом мужа со своим добром в крашеном сундуке, с флагом и с гармонистом на возу.

Зимой сидеть взаперти в нашей маленькой хатке было очень нудно. Тосковал я по солнцу, по зелени, по синему небу. Наши небольшие окна были в непроницаемых ледяных узорах, и за ними не было видно, что творится на белом свете. На улицах, кроме тракта, было очень пустынно. А мне всю зиму приходилось отсиживаться на лежанке, так

как на полу было очень холодно. Когда открывались двери, с улицы врвался холодный ветер, и руки покраснели от мороза, который донимал нас даже на лежанке.

Старшая сестра хорошо пела разные жалостливые песни. Я их все знал и тоненьким голосом подпевал ей. Но вот наступал вечер, мама заканчивала свои хозяйские работы и садилась с нами с новой работой: скубала перья или вязала. Зажигали небольшую керосиновую лампу, и мама начинала нам рассказывать всякие чудеса из библии или жизни святых чудотворцев. Она так великолепно рассказывала, что слушая ее, я забывал о еде. Все ее сказки и сейчас, как живые картины встают предо мною. А тогда я был уверен, что эти чудеса действительно происходили, и думал, что со временем, если я сумею служить Богу, как предписывает Тора, то стану святым и сумею творить чудеса для больных, слабых и несчастных людей.

В Малевичах проживало 15 еврейских семей. Евреи жили обособлено от христиан, но вражды между общинами не было. Еврейская религия запрещает браки с христианами, и кушать с ними за одним столом. Но это нисколько не влияло на взаимоотношения между соседями. Христиане все необходимое покупали в лавках евреев и довольно часто брали в долг. Евреи покупали у христиан излишки сельскохозяйственных продуктов, скот, шкуры животных и разное другое. Все евреи села вели честную торговлю, и крестьяне охотнее продавали своим, нежели приезжим скупщикам из Жлобина. Молодежь общалась между собой, но на вечеринки или христианские свадьбы евреи не ходили.

Еврейское население села было неоднородным. На тракте в больших домах проживали два брата Шейнкманы, весьма зажиточные люди. У обоих были магазины с обширным ассортиментом товаров: от мануфактуры до железоскобяных изделий. Третий брат, самый старший, жил рядом в Рудне-Малевической и арендовал у помещика водяную

мельницу. Его считали наиболее богатым из всех шести братьев Шейнкманых. Все три старшие брата вели торговлю лесом, скотом и другими дарами земли с местными помещиками и нажили большие капиталы. Их отец старик жил на Новиках. У него было 49 внуков. Один из шести братьев также жил на Новиках и был единственным бедняком в этой семье. Вообще то, бедняков среди евреев было куда больше. На Корме жил один очень бедный коробейник. Далеко небогатыми были два огородника, проживавшие на помещичьем дворе, а также кузнец на Заградье и бараночник с Кормы – дядя моей матери.

Была у нас четырехклассная сельская школа, но евреи своих детей туда не посылали. Для них нанимали учителя со стороны, который учил детей по библии и пророкам, а также читать и писать по-русски. Для этой группы учащихся снимали подходящее помещение, чаще всего на Точилровке. Учитель питался помесечно у родителей учеников. Эти учителя, которые сами себя часто называли меламедами, иногда были сами неучами. Особенно безграмотно они писали по-русски. Один из таких «педагогов», Хаим Горелик из Полесья, делал такие грубые ошибки в моих тетрадях, что даже моя старшая сестра, которая вообще не имела образования, часто их исправляла. Эти меламены менялись каждые шесть месяцев, по прошествии которых уезжали, не выдерживая деревенской скуки. Лишь один из учителей, Эмиль Горовой из местечка Стрежин, был довольно грамотным, но очень строгим. Строптивым ученикам от него не раз попадало плеткой.

Центром нашей маленькой общины была молельня, находившаяся в частном доме Мэнделя Шейнкмана, на самом тракте. Молились в ней лишь по праздникам и субботам, а также в дни поминовения умерших предков. Во время больших праздников сюда приходили молиться из близлежащих деревень: из Рудни Малевичской и Белицкой слободы. Заправилами в молельне были старики: мой дедушка Гирша и его старший брат Михель. Когда мой отец приезжал домой на каникулы или

праздники, он был в молельне желанным гостем, так как пользовался среди односельчан большим почетом. Остальные сельчане были малосведущими в библии. Они гордились тем, что среди них имеется столь грамотный в вопросах веры горожанин. После молитвы или вечером отец знакомил селян с занимательным учением и наставлениями хасидов. На эти чтения приходило все взрослое еврейское население села.

Многое из тех беззаботных детских лет осталось у меня в памяти. Помню себя в пятилетнем возрасте, когда на Успенскую ярмарку в Малевичи приехал фотограф. Дедушка пришел к нам вместе с тетей Мине-Хасей. Оба были одеты в праздничные одежды и позвали нас фотографироваться. На меня надели новый костюмчик, и я побежал вперед. В это время на праздник Троицы из города приехало много народа. Неожиданно на улицу выскочила пароконная повозка и чуть не сбила меня. Дедушка схватил меня крепко за руку и сказал резко почти зло:

- Ты куда вырвался, засранец. Чтоб больше не отходил от меня. Держись крепче за руку!

Сейчас я понимаю, что он не сдержался из-за сильного волнения. А тогда я надулся, да так надутым и сидел у него на руках во время фотографирования. К сожалению, эта памятная фотография пропала во время эвакуации из Рогачева. И хоть я вышел надутым на фото, но личико у меня было прехорошенькое.

Еще запомнился мне случай с деревенскими ребятами. Между улицами Точилровка и Корма находилась небольшая заболоченная лужайка, на которой паслись гуси. Залетали туда и голуби священника. В один из летних дней (мне тогда было около 3 лет) сестра повела меня за руку к этой лужайке, и мы наскочили на силки для ловли голубей, в которых бился белый пушистый голубь. Сестра вынула его из силков и хотела взять его с собой, но я был так взбудоражен этой находкой, что

стал во весь голос кричать, чтобы она отдала эту птицу мне. На крики сбежались ребята и отобрали голубя. Из-за этой потери я проплакал весь день, а сестра не переставала меня укорять: - «Если бы ты не поднял крик, - говорила она, - у нас в доме был бы свой голубь». Как мне было после этого не огорчаться?

Когда я подрос, мы с ребятами часто по субботам и праздникам ходили к разъезду. Двухэтажное деревянное здание вокзала нам тогда представлялось величественным и красивым по сравнению с небольшими, крытыми соломой крестьянскими домами. Пассажирские поезда проходили в сторону станции Красный Берег один раз в день днем, а в сторону Жлобина проскакивали вечером, когда мы уже были дома. Дежурный по разъезду в красном форменном картузе вызывал у нас восхищение. Мы словно заколдованные смотрели за его работой. Вот из-за поворота, пытая, показывается паровоз. Какой-то железнодорожник ударил в висевший на платформе колокол. Паровоз звонко загудел, даже стало страшновато. Несколько пассажиров быстро кинулись к поезду, который стоял на полустанке всего несколько минут. Снова звонок, затем гудок и разъезд опустел. А мы еще долго смотрели на исчезающий вдали состав, и каждому из нас больше хотелось быть в этом поезде, нежели возвращаться в деревню. На пути домой меня часто встречала баба Настулька, чистая столетняя старушка. На ее приветливом лице всегда сияла улыбка. Она меня обнимала, гладила и целовала в лоб, приговаривая: - «Касатик мой, сыночек родненький». Когда мама рожала меня, баба Настулька принимала у нее роды. С тех пор, как я стал себя помнить, ежегодно в день моего рождения мама посылала ей со мной подарки.

Рогачев

В Малевичах я жил с мамой и старшей сестрой. Мой отец, Иосиф-Меир, 1865 года рождения, учительствовал в Рогачеве. Старшие братья, Александр и Фишель учились в Рогачевском ешиботе. Они вместе с отцом приезжали к нам лишь на праздники. В канун каждого праздника мама нанимала подводу за один рубль. Возница рано утром выезжал в Рогачев, а вечером мы с радостью принимали городских гостей. Поцелуи и подарки родных, новости из города оставили яркие незабываемые картины детства. Казалось, что наша маленькая хатка становилась просторнее, светлее и чище. Праздники были разные: однодневный Пурим, двухдневный Троица, восьмидневные Пасха и Ханука и осенние праздники, Новый Год, Йом Кипур и Сукот, которые длились непрерывно почти целый месяц. Каждый из них имел свою окраску, свои молитвы, песнопения и особенные праздничные блюда.

Осенью 1907 года, когда мне исполнилось восемь лет, мама отправила меня продолжать учение к отцу в Рогачев. Это был настоящий город, который я увидел впервые. По сравнению с ним Жлобин, в котором я до этого изредка бывал, был просто местечком Рогачевского уезда. Я так влюбился в этот город, что даже позже, когда я побывал в более крупных городах, включая Минск, мне казалось, что Рогачев имеет все основания с ними успешно конкурировать.

Рогачев располагается в месте впадения реки Друть в Днепр и таким образом он с трех сторон окружен водой. Но даже дождливой осенью в городе всегда сухо. Улицы прямые, как линии шахматной доски. Во всех дворах много зелени: фруктовые и декоративные деревья и множество цветов. За всю свою жизнь я не видел другого места, где так буйно цвела сирень. Ее никогда не надоедающий запах и букетов, ласкающих взгляд, всегда всплывали в моем сознании, как бы далеко и долго я не был от моего любимого города. Главную улицу, которая в то время

называлась Быховской, украшали белокаменный Александро-Невский собор, деревянная церковь Рождества Богородицы, причудливое кирпичное здание бывшего предводителя дворянства, генерала Иолтина; скромное здание городского театра, городской сад, здание городской управы и выстроившиеся с обеих сторон шеренги пышного канадского тополя. Гуляющая публика на Быховской, извозчицы пролетки на резиновом ходу у стоянок возле гостиниц, толпы людей на рынке Старого Базара, многочисленные магазины, ларьки и лотки после спокойной жизни нашего села произвели на меня большое впечатление. Сначала я даже пожалел тех, кто вынужден жить среди подобного шума и гама, и меня тянуло назад в Малевичи, где можно тихо мечтать на фоне сонной природы. Тогда мне казалось, что я не смогу полюбить этот город, что он всегда будет мне чуждым. Но я ошибался. Недолго грустил я по дивным местам моего романтического детства. Впоследствии Рогачев стал моей второй родиной.

В этом городе я прожил большую часть жизни. Когда я работал в библиотеке, у меня были тысячи читателей и сотни друзей. Меня знал и стар, и млад. А в конце семидесятых, перед отъездом в Израиль, меня уже мало кто помнил. До войны у нас в квартире каждый день бывало много народа, и всегда было оживленно. А в последние годы жизни в Рогачеве редко кто заходил к нам. Многие старожилы погибли в войну или ушли из жизни по болезни и старости. Некоторые переселились в другие города. А в наш город понаехало множество народа из окружающих деревень. И хотя построили пятиэтажные кирпичные дома, покрыли мостовые асфальтом и открыли роскошные магазины с богатыми витринами, он потерял свою душу. Победила психология забитого и униженного деревенского жителя советской эпохи. Все дорогое для него кончается за порогом дома. Как только опускается темнота, новоиспеченные горожане запирают калитки и спускают собак. И нет уже былых сплоченности и дружбы, когда люди совместно делили

свои радости и горести. Если у кого-либо случалось несчастье, соседка бросала свой дом и приходила на помощь. А теперь соседи не знают друг друга, ибо один из Малых Стрелков, а другой из Большой Крушиновки. Раньше в городе проживало много сотен ремесленников, несколько сот торговцев, которые конкурировали между собой, что не мешало им по праздникам ходить с визитами друг к другу, встречаться на свадьбах и крестинах. Православных было больше, чем католиков, но еще больше было евреев. Никакой вражды между разными концессиями не было. На пасху евреи ходили в гости к своим соседям угощаться куличами, и приглашали к себе христиан, которые с удовольствием пили обжигающую пасхальную еврейскую «пейсаховку». Когда у Колосовского помещика Турчанинова серьезно заболел сын юнкер, он пошел к раввину с просьбой помолиться за здоровье сына. Юнкер выздоровел, а его отец построил на школьном дворе синагогу, которую называли Юнкерской.

Сейчас мало кто знает историю Рогачева. И не только потому, что осталось мало коренных горожан, которым небезразлично все, что связано с их любимым городом. Те люди, которые занимаются историей края по долгу службы, в соответствии с требованием коммунистических лидеров республики утаивают факты и извращают историю, чтобы затушевать или вообще стереть роль евреев в развитии города. Для тех, кого интересует правда, я и пишу, каким запомнился Рогачев моих детских и юношеских лет.

Макушкой города было белокаменное двухэтажное здание замка королевы Бонны, жены польского короля Сигизмунда Первого. Оно находилось на замковой горе над Днепром. Рядом, внизу, был спуск к реке и шоссейная дорога из Бобруйска на восток. С левой стороны дороги, над Днепром возвышался двухъярусный Зевакин курган, куда по субботам, воскресеньям и праздничным дням приходили горожане отдыхать в тени многочисленных кленовых деревьев. Сверху спускалась

тропинка, которая вела к парому через Днепр. Мост был построен пленными австрийцами в первую мировую войну.

Главная улица, Быховская по приказу тогдашнего исправника Полубинского в начале семидесятых годов девятнадцатого столетия была обсажена деревьями. Чтобы сохранить молодые посадки, исправник запретил держать коз. Этот запрет больно ударил по бедноте, которая не имела возможности приобрести корову.

Начальная часть города, до Бобруйского шоссе была застроена большими красивыми домами с резными крылечками. Большую их часть построили четверо братьев Гинцбургов, которые были строительными подрядчиками при прокладке шоссейной дороги Брест-Москва. Каждый из них получил звание почетного потомственного гражданина города. Но самым красивым был дом помещика Михеева. У него во дворе была большая оранжерея, для работы в которой был вызван специалист цветовод эстонец Ламертсон. Помещик был владельцем небольшого парохода и на нем он часто плавал по Днепру. Тут же находились три гостиницы: «Новосветская», двухэтажная «Орловская», а на углу Бобруйской и Быховской роскошная гостиница «Золотой Якорь». Напротив гостиницы «Орловская» находилось городское четырехклассное училище. Все лучшие знатоки русской литературы и математики были из числа бывших учеников этого заведения. Угол Бобруйской и Быховской занимало здание, на верхнем этаже которого размещалось казначейство, а на нижнем – полиция. Далее по Быховской возвышался белокаменный Александро-Невский собор. Напротив него на площади по праздникам выстраивались солдаты 159-го гуртийского полка. Они прибывали сюда на богослужение вместе с полковым оркестром. Напротив собора на другой стороне площади располагались торговые ряды старого базара с множеством магазинов, преимущественно бакалейных. Здесь же находились крупные оптовые склады. Перед базаром всегда наготове вертелись ломовые извозчики –

числом более тридцати. Сбоку от собора на углу Бобруйской и Церковной (ныне Карла Либкнехта) помещалось добровольное пожарное общество. Там часто устраивались учения и парады пожарников, у которых был свой оркестр. За собором до улицы Георгиевской (ныне Луначарского) находился центр города. Здесь располагались городской театр, городская Управа, почта, тюрьма, каланча, городской сад, деревянная церковь Рождества Богородицы и банки, в том числе «Первый взаимный кредит», «Городской банк», «Банк Залкинда и Магодсона» и ссудосберегательное общество. Там же были две типографии: Залкинда и Клаза, гостиницы «Бристоль», «Савойя» и «Северная»; аптека и самые лучшие магазины, в том числе аптекарские, книжные и ювелирные, а также турецкие булочные. Рядом удивляло причудливое двухэтажное белокаменное здание генерала Иольшина. На его пожертвования были построены городской театр, богадельня и сиротский дом. В центре были также кинотеатры «Модерн» и «Рекорд», а также казенная продажа водки, так называемая «монополька». По этой части города сновали фаэтоны легковых извозчиков на резиновом ходу с пассажирами или в поисках таковых. Их было свыше шестидесяти.

У спуска с Георгиевской к Днепру находилась пристань. Два раза в день к ней причаливали пассажирские пароходы «Вера», «Надежда», «Любовь», «Ретвизан», «Петр III», «Проворный» и другие, курсирующие между Киевом и Могилевом. Кроме них также плавали частные пароходы Махова из Могилева: «Анна» и «Лев». Почти ежедневно пришвартовывались товарные пароходы с грузом для города, баржи с буксирами из Украины, которые доставляли муку, сахар, крупы, подсолнечное масло и прочие продукты. Осенью большое количество барж отчаливали из Рогачева в Киев, Екатеринославль и далее вниз по Днепру с разными сортами яблок, среди которых большинство составляла «Антоновка». Все лето мимо города по реке проплывали плоты с лесом. Каждый день ближе к вечеру бакенщик объезжал по

реке бакены и зажигал керосиновые лампы, которые указывали путь пароходам, чтобы они могли избежать мелководья.

На противоположной стороне Георгиевской по направлению к Друти на углу Большой Ветренной, ныне Урицкого, находился Крестьянский банк, а на углу Костельной, ныне Володарского - вторая аптека Берлянда. Затем на целый квартал располагалось реальное училище, построенное на пожертвования вдовы генерала Иольшина. Напротив училища была женская гимназия Анисимовой. По Быховской за почтой располагались нотариальная контора Страдомского, напротив которой был липовый парк, называемый сейчас курганом Славы. К нему примыкало польское кладбище. Далее по левой стороне улицы находилось одноэтажное здание Воинского начальника, потом двухэтажное кирпичное здание Земской управы, а напротив, ближе к Днепру в гуще величественных тополей располагалась Земская больница. По другую сторону Николаевской находились несколько зданий Еврейской больницы, построенной по завещанию Якова Зелкина, владельца гостиницы «Золотой Якорь». Далее на два квартала растянулись казармы 159 пехотного полка. А за ними учительская семинария и ее общежитие - единственное в городе трехэтажное кирпичное здание. По Головинской шоссеиная дорога с Быховской поворачивала к вокзалу.

За железнодорожной линией находились промышленные предприятия: лесозавод Буглака, лесозавод Гузова и Хайкина, картонная фабрика Горелика, лесная пристань Корабельникова, скотобойня, ветеринарная лечебница. В районе вокзала была паровая мельница Либера. Кроме того в городе были кирпичный завод Симкина, напольные печи Раскиной и Блюмина, смолокурный завод Быховского, канатные заводы Зайцева, Гольдина и Сосина, завод газированных вод Вольфсона, Муслина и Минца. Наиболее крупным торговым делом был мануфактурный склад Тумаркина. Поменьше были оптовые склады у Иохина, Гринера, Эстулина, Демиховского и Кацнельсона. Из магазинов

самый богатый выбор был в магазине Беленького, затем уже шли магазины Пальчука, Розина и Кантора, бакалейные оптовые склады Рохлина, Симановского, Рискина, Виленского. Очень крупными были магазины железоскобяных товаров Райхмана и Ривкина, оптовый магазин галантереи Фарбера. Кроме того, были мучные склады Пронина, Болотина, Бруксона и Динабурга.

В городе было пять врачей: Гительсон, Дымшиц, Матлин, Шароваров и Марьясин; и шесть фельдшеров: Зуев, Засыпкин, Либстер, Суренко, Тюлькин и Кулешов. В городе было одиннадцать синагог, в том числе одна кирпичная. Пять из них находились на площади школьного двора, недалеко от Днепра.

Семья и школьные годы

Мой дедушка Гейше-Лейб бер шойхет (резник) унаследовал профессию своих предков. В то время это духовное звание было почетным – второе по рангу после раввина. Для того чтобы стать резником, нужно было учиться два, три или более лет, в зависимости от способностей соискателя звания. Дедушка был ниже среднего роста, голубоглазый с правильными чертами лица, добрый тихий и благочестивый. Он стоял в стороне от общественных дел в городе. За всю жизнь у него не было с кем-либо ссор, споров или судебных тяжб. В мою бытность в доме бабушки всегда сидели его ученики, которые или точили халэин (ножи), или изучали профессиональные трактаты. Точильные камни были двухцветными. Верхняя часть для заточки была черной, а нижняя гладильная – белая. Ножи точили по несколько часов подряд, ибо по закону нож должен быть острее бритвы, без малейшей щербинки. Животное нужно убить быстро, чтобы оно не мучилось. Каждый день, кроме пятницы, дедушка ездил на бойню со своими большими ножами. Там вместе с другим Рогачевским резником Лейбом

Марголиным он резал скотину. Марголин был выше и крепче дедушки, но самых крупных волов приходилось резать дедушке, который по своей скромности не вступал из-за этого в пререкания со вторым резником. Мясники знали об этом и крупную скотину сразу подводили к дедушке. Зарплату же они получали одинаковую. После того как скотину убивали, резники ее препарировали и, если обнаруживался какой-либо внутренний дефект, который по закону не допускается к употреблению, мясо этого животного продавалось не евреям в трэфной мясной лавке по более низкой цене, нежели кошерное. Так как это приводило к убыткам, то между резниками и мясниками иногда возникали серьезные споры. Были случаи, когда мясники, несогласные с решением резника, обращались с жалобой в высшую инстанцию, то есть к раввину. Птицу резник зарезал, но не потрошил. Это делала сама хозяйка. Если она находила какие-либо ненормальности во внутренностях, она сама ходила к раввину.

В мои школьные годы еврейское население Рогачева составляло 13500 человек. Не удивительно, что в коридоре у дедушки всегда толпились хозяйки или прислуга с кошелками, из которых допевали свою предсмертную песнь петухи. Более достойно вели себя гуси и индюки. Редко жертвой дедушки становились голуби, которых резали для больных и выздоравливающих. Особенно много работы было по четвергам и в пятницу утром. А во дворе всегда было полно птичьих перьев и пуха.

Дедушка очень любил своих внуков, особенно маленьких. Его, как человека почтенного, часто приглашали на крестины, помолвки и свадьбы. Оттуда он приносил сладости. На пасху он внукам давал орехи, а на Хануку – пятаки.

Домом заправляла властная бабушка Малка. Между собой они жили дружно, как положено законом Торы. Вскоре после моего приезда из деревни бабушка построила большой дом из четырех комнат. Она сама

съездила в Мадору, купила там сруб, договорилась с плотниками и следила за стройкой. До этого дедушка жил в очень старом столетнем доме на Школьной улице напротив Миснагедской синагоги. Новый дом построили рядом. Земельный план у них был большой, около двадцати соток. Во дворе стояла маленькая хатка, низенькая и замшелая. В ней жила старая вдова с красивой дочерью, к которой приходили солдаты. За старым домом был небольшой сад с яблонями, сливами и вишнями. Еще во дворе был погреб, сарай и большой огород. Дальше по улице, за старым домом, была лавка, которую снимали в аренду торговки яблоками.

Бабушка Малка была высокой, умной женщиной с сильным характером. Видимо в молодости она была очень красивой. Она была внучкой знатной в ту пору Юдаси, которой при Александре I присвоили звание «Потомственной почетной гражданки». От нее пошел род Юдасиных. По-видимому, уважение, которое заслужила бабушка Юдася, передалось и к бабушке Малке. В городе ее уважали больше, чем дедушку. Бабушка Малка «ды шонхетке» была известна и далеко за пределами городка, и известность эта разносилась по окрестностям нищими, которые в большом количестве прибывали из разных соседних городков и местечек. Когда они приходили побираться в Рогачев, то в первую очередь являлись к бабушке. Дедушка приносил с бойни збой, и бабушка варила в больших чугунах обед для бедняков. До моего приезда в Рогачев, когда у бабушки подросли четыре дочери, они стирали и чинили белье бедняков. В мое время все тети давно вышли замуж, и беднота приходила к нам лишь питаться. Помогала им бабушка и деньгами. Она по пятницам обходила магазины, и никто ей не отказывал. Был случай, когда местный богач Моисей Либер выиграл в дворянском клубе 800 рублей. Узнав об этом, бабушка пошла к счастливчику. Он дал ей 10 рублей, сумму для того времени приличную. «Обслуживала» она также тюрьму и арестный дом. Евреи туда попадали

редко, но коль попадали, им было тяжелее, потому, что они не могли есть не кошерную пищу.

Два дома дедушки, старый и новый, находились на «школьном дворе», который был своего рода центром духовной жизни еврейской общины города. Целый квартал занимали пять синагог: большая любавическая в окружении высоких деревьев пирамидального тополя; немецкая, синагога секты миснагим, ремесленная и юнкерская. Здесь находились также 15 хедеров с тремястами учащимися, ешибот - духовная семинария. Тут же жили раввин, два резника, ректор ешибота, писец торы и целый ряд учителей. Недалеко на горе, у спуска к Днепру, находилось старое кладбище, на котором к тому времени сохранились лишь два памятника со стертыми надписями. Говорили, что здесь были похоронены раввин и его жена, умершие от холеры. Напротив кладбища, внизу, размещалась старая кирпичная баня.

По субботам и праздникам в этот квартал стекались прихожане синагог из различных частей города. Школьный двор оживал, и выглядел очень празднично. Но и в будние дни здесь было шумно от множества учащихся, среди которых не было ни одного хулигана. На этом небольшом клочке земли было 5 магазинов и 9 ларьков со всякой добротной кошерной снедью.

Мама мне давала на второй завтрак одну копейку, и я по дороге к ларьку ломал себе голову, что бы купить себе за эту твердую монету. Решение принималось в пути, но, когда я заходил в ларек Хаи Рутман, я терялся от множества возможностей. На полках глядели на меня свежие пухлые бублики – два на копейку. За ту же цену можно было купить один большой и тонкий коржик или толстый коржик поменьше. Не хуже выглядели разные кренделя: сахарный, яичный или простой. Последний был больших размеров. А чем хуже сахарный пирожок, хлебец с изюмом, пышная булочка или может быть взять за копейку коптюшку, и пойти домой за куском хлеба к ней. А быть может лучше продержаться,

не евши до обеда, и купить на эти же деньги сладостей: халвы, монпансье, ирис, конфет или стакан семечек? Да, может быть, из глубины прошедших лет я вижу свое детство в розовых тонах. Но, ей Богу, я не припомню, чтобы кого-либо обвиняли в воровстве. Кондитеры, из-за конкуренции, старались предлагать своим клиентам первосортные и доброкачественные изделия. Жир, сахар и все остальное, что было положено класть в тесто, не растаскивали, как нынче. А пьяных в то время в городе не было вообще. Водку в городе продавали лишь в одном магазине. В пятницу дедушка посылал меня за четвертинкой водки, и я там никогда не видел очередей. Хотя общее образование населения было не больно высоким, в обиходе люди были обходительными, дружелюбными и отзывчивыми. Смачной ругани в еврейской среде не было и в помине.

Учиться я поступил в хедер моего отца. Он помещался на втором этаже, т.е. на женской половине, миснагедской синагоги. Это было среднее религиозное учебное заведение, где отец преподавал учащимся пророков и талмуд. В школе были две группы: младшая и старшая, по 10-12 учеников в каждой. Обучались у отца дети зажиточных жителей города. Плата за обучение взималась в размере по 5 рублей в месяц. Таким образом, заработок отца составлял около 100 рублей в месяц. Для того времени эта сумма была значительной, если учесть, что средний чиновник казначейства или почты получал всего лишь 25 рублей в месяц. Когда мне исполнилось 10 лет, меня перевели из отцовского хедера в младшую группу ешибота. Ешибот содержался за счет благотворительности и пожертвований. Обучение было бесплатным. Питание ешиботникам давали из расчета один рубль в неделю за счет пожертвований более зажиточных и благочестивых евреев. В ешиботе изучали один предмет – талмуд. Заведующий ешиботом был и единственным преподавателем. В ешиботе были две группы: старшая и младшая. Лучшие ученики по окончании учебы в

ешиботе уезжали в более крупные духовные учебные заведения: в Бобрыйск, Любавичи, Ковно, Воложин и др., по окончании которых получали право быть раввинами. Те, кто успевал хуже, становились резниками. В хедере я был среди отличников. История нашего древнего народа, бесконечные страдания наших предков меня сильно захватывали, и я с увлечением усваивал свои уроки. Также хорошо я учился по нашему древнему языку и литературе. Талмуд со своими скучными премудростями меня несколько не привлекал и я больше занимался зубрежкой. В 1912 году, когда мне исполнилось 13 лет (бармицва), мои родители убедились, что у меня нет особого рвения к изучению талмуда и, что раввин из меня не получится. Поэтому меня отдали в приказчики в магазин готового платья Рохлина и Фридкина, находившийся на Соборной площади. Жалованье мне было положено 1 рубль в месяц, и я помню, с какой гордостью я приносил матери этот честно заработанный рубль. Работа мальчика на побегушках не трудная. Когда приходили заказчики, надо было быстро сбегать за портными: мужским или дамским. Посылали меня в казначейство и к нотариусу для оплаты векселей, посылали на железнодорожную станцию выкупать прибывший товар. Чаще всего приходилось бегать на пекарни за древесным углем для утюгов. Мальчик я был послушный и с хозяевами и хозяйками умел ладить. После годичной службы я перешел на работу в галантерейный магазин И.Х.Фарбера, где я прослужил 4 года. В это же время я стал самостоятельно заниматься русским языком и усиленно читал. Общественная библиотека находилась в нашем квартале по Церковной улице (ныне Либкнехта). Моими любимыми писателями были Жюль Верн, Майн Рид, Густав Эмар, Джек Лондон, Фенимор Купер и др. В то время я также читал книги на еврейском и древнееврейском языках: А.Мапу, И.Я. Гордона, Фруга, Шолом-Алейхема, Аш, Динезон и др. Вскоре я выдвинулся в библиотечный актив и в день дежурства Блюмы Кантор по четвергам

работал вместе с ней на выдаче. С тех пор я и привязался к библиотечной работе на всю жизнь.

Мой отец взял в жены Ганю Симановскую, 1863 года рождения, которая проживала в селе Малевичи, ныне Жлобинского района, в 20 километрах от Рогачева. Мама была родом из Жлобина, где ее дедушка Симановский Лейзер-Гдалья когда-то владел большим домом по главной улице (ныне Первомайская), недалеко от Днепра, против церкви на углу улицы К.Маркса. Он торговал льном, медом, воском и др. Одно время его избрали в Жлобине мещанским старостой.

В 1881 году, в Петербурге был убит император Александр II. Среди убийц оказалась еврейская девушка из Мозыря, Гесья Гельфман. В отместку за это, премьер министр граф Игнатъев организовал еврейские погромы. Днем, в первый день праздника Шовуэс (троица) Жлобин подожгли с разных сторон, так что он весь выгорел. Сгорел и дом прадедушки. Его уже в то время не было в живых. Он умер незадолго до этого события. А дедушка, обедневший погорелец, переехал в село Малевичи, что в 10 километрах от Жлобина. Этого деда мы, внуки, любили больше Рогачевского. Был он тоже невысокого роста с умными карими глазами, всегда улыбающийся и предобрый. Он был женат на Парачанке Фрейде Миркине из почтенного дома. Был дедушка малоимущим, но его в деревне все уважали и часто приходили к нему за советом, брали в долг у него в нужде, и поэтому деревенские хлопцы внуков деда Гирша никогда не обижали. Бабушка около о 20 лет болела туберкулезом и умерла еще молодой в 1900 году.

В 1913 году я перешел на работу в оптово-розничный галантерейный магазин И.Х. Фарбера, где прослужил до самой революции.

В августе 1914 года пришла весть о войне с Австро-Венгрией. И с тех пор жизнь нашего города потекла стремительнее. Массовую патриотическую демонстрацию возглавляли священник, раввин, ксендз, исправник и масса Рогачевской интеллигенции. Шли к казармам 159-го

Гурийского полка, где адвокат И.Файн, учитель реального училища Парийский, купец М.Йохин и другие выступили с пламенными анти немецкими речами. Во дворе воинского начальника толпились мобилизованные мужчины и их провожающие жены, заплаканные и причитающие. Из нашего шулгейфа мобилизовали всех молодых мужчин. Повысился спрос на газеты. В синагогах шли ожесточенные споры между германофилами и русофилами. Уже через 2 месяца после начала войны стали приходить вагоны с ранеными солдатами. По Быховской улице на извозчике ехал горнист, музыкант из пожарной команды, призывая жителей города помочь в приеме раненных. В городе появились девушки в белых платочках и красным крестом на нарукавниках. Сестры милосердия в госпиталях добровольно ухаживали за ранеными. В 1915 объявили мобилизацию старших возрастов. В 1916 году, когда фронт стал приближаться к Белоруссии, появился поток беженцев из Польши. Днем и ночью двигался поток подвод обездоленных поляков и литовцев. Ночью горели костры, в которых ярким пламенем полыхали заборы близлежащих дворов. И в магазин толпами приходили беженцы, спрашивая «Котоли сон». Вскоре в городе появились беженцы евреи, почти все из города Сейны, Сувоалкской губернии. Это были рослые, широкоплечие, загорелые мужчины – трудяги: извозчики, мясники, рыбаки с польскими фамилиями, как то: Щупацкие, Сивейские, Юдковские, Неведомские и т.д. Расселили их на галерках синагог, и молодежь нашего шулгейфа проводила целые дни с новыми знакомыми. Завязывались романы. Вот и я в свои 17 лет стал кавалером краснощекой Миньки Щупацкой.

Много эшелонов с беженцами проезжали по железной дороге мимо Рогачева. Беженцы-евреи ехали в отдельных теплушках, и местные общественные деятели организовывали для них сбор продуктов. Молодежь ходила по домам, собирая разную снедь. Ко мне в компанию попала Бейля Кантор, интеллигентная девушка из хорошей семьи,

старше меня на несколько лет. Мы с ней, переходя от одного дома к другому, быстро наполнили большую корзину свежими булочками, бутылками с молоком и даже пирогами. Было это в дни праздника троицы, когда в каждой семье была праздничная выпечка. Тяжелую корзину мы отнесли на вокзал, где как раз стоял длинный эшелон с беженцами. Вместе с другими парами мы быстро раздали продукты. Беженцы благодарили и благословляли нас. Особенно рады были дети.

Общественная работа и переселение евреев

После февральской революции я оставил работу в магазине и поступил на работу в общественную библиотеку на должность библиотекаря, где я давно состоял в активе кружка «друзей книги». Библиотека тогда находилась в еврейском народном доме по Базарной улице. Одновременно я занимался общественной работой, и в апреле мы вместе с Я. Гублером и Г. Еренбургом организовали союз торгово-промышленных работников. На первом учредительном собрании союза 26.04.1917 года меня избрали председателем союза и на первой первомайской демонстрации в Рогачеве мы уже маршировали под собственным знаменем. Затем мы организовали забастовки с требованием 8-ми часового рабочего дня и прибавки к зарплате. Пошли конфликты с хозяевами, и наша конфликтная комиссия разбирала по субботам жалобы приказчиков на своих хозяев. Позже в Рогачеве был организован Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Я был избран депутатом Совета от нашего профсоюза.

Осенью город заняли поляки корпуса Довбор-Мюсницкого, и всякая общественная работа была запрещена. Нашу библиотеку поляки выбросили на улицу, и еврейский народный дом был закрыт. С немалыми трудностями мне удалось собрать всю литературу, и я открыл библиотеку в частном доме Л. Поляя. С приходом в Рогачев Красной

Армии в конце 1918 года я оставил работу в библиотеке и занял должность заведующего магазином. С 1934 и до начала войны я работал сначала библиотекарем, а с 1930 года заведующим районной библиотекой имени Луначарского.

В 1927 году я был избран в президиум Рогачевского районного отделения ОЗЕТ (общество по землеустройству трудящихся евреев), где я, занимал пост ответственного секретаря вплоть до закрытия этой организации в 1937 году. Общественная работа была мне более по душе, нежели моя основная работа, и я сумел сколотить вокруг себя энергичный коллектив, с которым мне удалось развить бурную деятельность. Об этом не раз писали в центральном органе ОЗЕТа «Трибуна». Эти десять лет я считаю самыми продуктивными в моей жизни.

В Рогачеве и в окружающих его местностях проживало большое число торговцев, которые попали в списки лишенных права голоса, и им необходимо было помочь приобщиться к труду. Советское правительство выделило большие участки земли в Крыму для организации еврейских земледельческих поселений, а позже в Приморье были выделены земли для этой же цели, на которых в последующем была образована Еврейская автономная область. Для руководства работой по землеустройству евреев при ВЦИКе был организован государственный комитет, а к нему в помощь по общественной линии этот ОЗЕТ. Комитет спускал средства на переселение, организацию поселений на местах, приобретение сельхозинвентаря, строительства домов и т.д. ОЗЕТ содействовал Комзету в разъяснительной работе на местах выезда переселенцев, в вербовке таковых, в организации национальных колхозов и т.д. При содействии ОЗЕТа в Рогачевском районе были организованы еврейские колхозы: «Най-вег» и «Культура» в Зборовском сельсовете, «Най-фирунг» в Иодилевическом сельсовете, «Кин» в Довском сельском

совете (с/с), «Эмес» в Городецком с/с, «Озетовка» и «Дружба» в Фундаменском с/с, «Красная Армия» и «Кривка» в Паволовском с/с и «Ундер вег» в Тихиническом с/с. Всего 10 колхозов, в которые вступили 120 семей. Активисты ОЗЕТа часто выезжали в эти колхозы для содействия в организации таковых, на пере выборы правлений колхозов, с докладами и культмассовыми мероприятиями, для разбора возникших тяжб между колхозниками и т.п. Наилучшим из колхозов был старейший из них колхоз «Най-вег», как в выполнении работ, в экономике, так и в добрых взаимоотношениях между колхозниками. Наибольшую активность наш райозет проявил в деле вербовки переселенцев в Крым и Биробиджан.

Фотография семьи Йосифа-Меира (1927г.). Лазарь Кучинский в верхнем ряду второй справа.

В этом деле Рогачев стал популярен не только в Белоруссии, но и за пределами республики. Мы всегда выполняли и перевыполняли наряды Жлобина, Бобруйска и даже Гомеля. Помимо города, мы выезжали в местечки района с преимущественным еврейским населением – в

Тихиничи, Городец, Свержень, Поболово, а также в местечко Журавичи Быховского района. Больше всего по вербовке ездил я. В местечках мы проводили собрания, давали информацию об условиях переселения и о местах назначения. На 17-м участке Фрайдоровского национального района в Крыму более половины участков были заселены выходцами из Рогачева. В 1933 году меня премировали путевкой на Южный берег Крыма, и тогда я съездил на 17-й участок, где меня тепло встретили земляки. В Биробиджане также было много Рогачевцев, как в самом центре, так и в Вальдгейме. Мы занимались также вербовкой строителей для Биробиджана. Одно время мы из одной деревни Мадоры отправили в Биробиджан около ста человек. Центральный совет ОЗЕТа ежегодно выпускал билеты ОЗЕТ-лотереи. И здесь мы были на первом месте по распространению билетов. Мы покупали спектакли у приезжих артистов, делали им сборы и получали от них проценты в пользу нашей организации. Нам было разрешено иметь мелкие предприятия, которые освобождались от налогов. Мы открыли в разных частях города восемь пунктов по сепарированию молока, которые давали нам по несколько сот рублей прибыли в месяц. Деньги мы переводили республиканскому совету ОЗЕТа. Орган центрального совета ОЗЕТа - журнал «Культура» имел в Рогачеве широкое распространение и насчитывал большое число абонентов. Наша успешная деятельность отмечалась неоднократно в печати, на республиканских и всесоюзных конференциях ОЗЕТ организаций и премиями. В 1934 году во время всесоюзных соревнований организаций ОЗЕТ наш райозет вышел на первое место по всем видам работы, и нам было вручено переходное знамя центрального совета ОЗЕТа. Все годы после этого, до закрытия ОЗЕТ организаций, знамя находилось у нас, и никто из других организаций Союза ССР не сумел ее у нас отвоевать.

В 1936 году в числе лучших библиотечных работников БССР я был на встрече с Надеждой Константиновной Крупской.

У людей, знакомых с тем временем только понаслышке, может возникнуть мнение, что жестокая власть с нашей помощью изгоняла евреев из родных мест. Но у большинства из них не было другого выхода, так как их лишили не только гражданских прав, но и вообще средств к существованию. Тем более что это были годы, когда из-за голода погибли миллионы. Закрылись банки, гостиницы, магазины, частные индивидуальные хозяйства. Люди, которые работали в этих учреждениях, и те, которые делали кренделя или выращивали овощи, обрабатывали шкуры животных, торговали и делали массу вещей и услуг, которые были востребованы до революции и оказались ненужными после нее, нуждались в нашей помощи.

У нас в квартире всегда было полно людей. Летом приходили приезжие дачники, иногородние друзья, а зимой – учителя, сослуживцы, читательский актив и знакомые. Летом у крыльца нашего дома собирались друзья разного возраста – острили, шутили и хохотали. Часто большой компанией отправлялись на Днепр слушать в лозняке пение заднепровских соловьев. Там просиживали допоздна.

Городской совет почти ничего не строил, так как в связи с национализацией домов и уплотнением квартир богачей, жилплощади было предостаточно. В Рогачеве около 70% населения составляли евреи. Поэтому многие ответственные должности занимали евреи. Антисемитизм тогда строго карался.

Так продолжалось до 1937 года, когда начались аресты. Было арестовано много горожан, больше всего поляков. Попадались и евреи. Евреев угробил главный стукач того времени, зажиточный домовладелец, шапочник и спекулянт Брук. Подпевалой ему был Шлемка Левич, по кличке «Хомке». Подчистили оставшихся на свободе бывших городских, стражников и старых офицеров. Много было взято и новых офицеров 117-го Ярославского полка. Из лагерей возвратились только сапожники и другие мастеровые, которым удалось выжить. В то

же время разогнали нашу вольную пожарную команду, по поводу чего очень переживал ее многолетний начальник М.Шлосберг. Много арестованных привезли в город из района, особенно из Шляхетских околлиц. Их держали на Замковой горе в двухэтажном замке королевы Бонны. Говорили, что их там так много, как селедок в бочке.

На войне

Уже спустя 3 дня после начала войны через город двигался поток беженцев со стороны Бобруйска. А 28 июня была объявлена эвакуация города. Жители города кто на машинах, кто на лошадях или пешком спешили перейти Днепровский мост. Мы с женой и 2-летним сыном сначала на машине, а затем на поездах добрались до Сталинграда, а затем перебрались в Саратов. Там же меня призвали в армию. В феврале 1942 года меня назначили на должность зав. делопроизводством медицинской части и присвоили звание старшины. 28-го августа, несмотря на ожесточенные бомбардировки немецкой авиации, мы успешно переправились через Волгу на восток. Наш госпиталь стоял в 100 километрах от Сталинграда возле города Капустин Яр. С началом отступления немецких войск на Сталинградском фронте наша 5-я ударная армия двинулась вслед, и нам снова пришлось переправляться через Волгу у деревни Грачи, против Черного Яра. Опасаясь налетов вражеской авиации, мы начали переправу поздней ночью. Нас погрузили на баржу, которую взял на буксир пароход «Орджоникидзе». Уже было тепло, но на воде еще попадались льдины. На барже было много автомобилей, и пароход нас еле тянул еще из-за льдин, которые отталкивали баржу к берегу. У нас было много мягкого багажа (вата, бинты, одежда, белье), на котором служивые улеглись отдохнуть и быстро уснули после утомительно погрузки. Неожиданно раздался треск. Люди вскочили со своих мест. Тот, кто сидел возле борта баржи, упал в воду. Оказалось, что баржа наскочила

на плавучую мину. Она начала медленно погружаться в воду. Возникла паника, крики, беготня. На пароходе был генерал, ответственный за переправу. Оттуда он дал приказ столкнуть в воду порожние автомашины. Когда их сбросили, погружение баржи замедлилось, и вскоре пароход вытянул ее на мель. Так мы были спасены. Мы оказались в 30-40 метрах от берега и это нас спасло. В нашей части были 4 жертвы: Тутуков – осетин из Ростова, Лопатин из Вятской области, Грутман из города Васильково Киевской области и 18-летняя польская беженка Фая Оберлендер из города Драгичино, которая за 2 недели до этого поступила к нам санитаркой.

После разгрома немцев под Сталинградом нас перебросили в город Шахты, вблизи которого шли бои на реке Миус. Там же формировался новый хирургический госпиталь №3533. Начальником госпиталя назначили майора медицинской службы И.Б. Черетянка, энергичного человека из горских евреев. К тому времени он уже имел несколько наград, в том числе орден Красного Знамени за участие в гражданской войне. Он был требовательным, но справедливым и добросердечным. Весь наш штат обожал его, и мне было легко с ним работать. Когда немцев прогнали за реку Миус, развернулись тяжелые бои возле горы Саур-могила и наш госпиталь был перегружен ранеными. Врачи и сестры работали днем и ночью. В хирургическом отделении стояли лужи крови. Смертность среди тяжелораненых была высокая. Не хватало перевязочного материала, и раны посыпали опилками. После разгрома немцев на Курской дуге наши войска стали быстро наступать. Наш госпиталь следовал за наступающей армией, часто меняя места дислокации. Из Ростовской области мы передвинулись в Донецкую, а затем на несколько месяцев задержались в селе Малая Белозерка Белозерского района Запорожской области, где немцы и Власовы укрепились на небольшом плацдарме, на правом берегу Днепра. Начальником хирургического отделения у нас был кандидат

медицинских наук, украинец Полторак Михаил Наумович, человек спокойный, гуманный, специалист своего дела. Был он родом из Алматы. Когда его перевели в ХППГ (хирургический полевой передвижной госпиталь), на его место прислали сибиряка из Томска Михаила Алексеевича Антонова. Он был искусным хирургом с золотыми руками. Однажды он демонстрировал перед штатом госпиталя операцию аппендектомии, которую он делал нашему повару. Но он так быстро ее выполнил, что мы не успели ничего увидеть. К сожалению, он был алкоголиком. Поэтому спирт, предназначенный для операции, ему выдавали только тогда, когда раненый уже лежал на столе. В противном случае Антонов мог пропустить его в свое горло. Из-за этой слабости его, в конце концов, сменили. И это место занял майор медицинской службы Василий Алексеевич Мышалов, ремесленник - заносчивый и туповатый. Немало смертельных послеоперационных случаев было на его совести. Замполитом у нас был Хусаинов Хасан Ахмедзянович, татарин, добряк, но очень вспыльчивый человек. Он с большой заботой относился к раненым и персоналу госпиталя. В нашем коллективе его любили и уважали. Весной 1944 года, когда немцев отогнали за Днепр, нас погрузили на баржу и довели до Николаева. Развернуть госпиталь нам не пришлось, так как немцы откатывались все дальше и дальше. Первое мая мы уже встретили в Одессе. Из Одессы нас вскоре переправили в Бессарабию, но и туда мы опоздали. 22 немецкие дивизии были разбиты. Нас выгрузили в Кишиневе. К тому времени были разрешены отпуска для офицерского состава и начальник выхлопотал мне в санотделе первый трехнедельный отпуск по нашей части. Жена и сыночек уже были в Гомеле. Я поехал через Киев, Бахмач. Когда я возвратился в свою часть, оказалось, что она из Кишинева переехала в Ганчешти, к реке Прут, а нашего начальника забрали в ХППГ 4169. За ним из нашего штата потянулось много людей. Вместо него назначили майора медицинской службы Мину Марковну

Эпштейн, которая приехала из Кубани вместе с новым начальником санотдела нашей армии полковником Чертовым. Мне передали, что Черстянков просил меня перейти к нему завделами. Я бы за ним последовал, но меня удержала несравнимая нагрузка, так как госпиталь 4169 принимал раненных в голову, где было много смертельных случаев, а наш госпиталь № 3533 лечил раненных в конечности, которые умирали редко. На каждый смертельный случай требовалось много писанины, объяснительных записок и др. Новый начальник госпиталя еще не была в курсе дел, и ей не хотелось получить к тому же нового завделами, поэтому она упрасивала меня остаться, и я остался. В последующем я убедился, что мое решение было правильным. Новый начальник, была требовательной, но справедливой и заботливой, и наш коллектив любил ее не менее чем Черетянку. Добросовестную работу она поощряла и должным образом ценила. При Черетякове меня наградили медалью «За боевые заслуги», а Мина Марковна специально ездила в штаб армии с моим наградным материалом и добивалась награждения меня орденом «Красная Звезда». Мы стояли недалеко от реки Прут и полагали, что наш путь лежит в Румынию и Болгарию. Наши офицеры стали интересоваться румынским языком, но неожиданно нас ночью погрузили в вагоны и через всю Украину повезли на запад. Выгрузились мы в местечке Холод, недалеко от Житомира. Около месяца стояли в помещичьем имении в резерве, а затем переправились через Западный Буг недалеко от Бреста и вступили в Польшу. Нас разместили в имении графа Потоцкого на реке Пилица в роскошном дворце. Но стояли мы там не долго. Немцы отступали быстро, и раненых было мало. На каждой остановке мы эвакуировали своих раненых в тыловые госпитали и продолжали двигаться к Германской границе. Проехали мы Скержевицу, Гнезно, Познань и возле Черникац увидели плакат: «Вот она проклятая фашистская земля». Опять пошли короткие остановки: Вольденберг, Фриденберг, Штраусберг, Лансберг –

пока не добрались до реки Кюстрин у Одера, где немцы сильно укрепились и навязали кровопролитные бои. Наш госпиталь был переполнен ранеными, и в одну из ночей, когда фашистские самолеты бомбили переправы на Одере, одна из авиабомб попала в палатку с легкоранеными. Тяжелые ранения получили 5 из них и одна санитарка.

Вскоре оборона врага была сломлена, немцы выдохлись и откатились к Берлину, который они собирались защищать из последних сил, называя эту оборону «Вторым Сталинградом».

День капитуляции Германии, 9-го мая 1945 года, мы встретили в Фридрихсгагене, пригороде Берлина. С тех пор были особенно обидны потери людей, которые, как правило, были связаны с чрезмерной радостью. Через пару дней помощник начальника административно-хозяйственной части лейтенант Любченко погиб мгновенно, когда глушил рыбу гранатой. Еще через пару недель был убит и комендант Берлина генерал армии Берзарин, который был командующим 5-ой ударной армией. Он по пятницам объезжал город на мотоцикле. На этот раз, на него наскочил на студабекере наш пьяный шофер. Все мы искренне оплакивали этого боевого, гуманного генерала, любимца Жукова. Гроб с телом генерала Берзарина стоял в Карлсхорсте, куда все наши офицеры ездили с ним прощаться. Почти в то же время начальник нашей административно-хозяйственной части, будучи вдребезги пьяным, на дружеской встрече выстрелил себе в голову. Он скончался через 15 минут. А тут еще поступил приказ нашему госпиталю развернуть 100 коек для приема больных. Стали поступать больные жертвы алкоголя: слепые и полу ослепшие. Дело в том, что в подвалах у немцев находился древесный спирт и наши солдаты набрали его в котелки и фляги, не подозревая о последствиях. Много несчастных, чудом выжившие в боях, похоронены на чужой земле.

20-го августа я распрощался со своими сослуживцами. Многие из них стали моими братьями и сестрами. Грозные фронтовые годы сблизили

нас так сильно, будто были мы детьми одной матери. Поэтому прощание навсегда было весьма грустным. Особенно тяжело мне было расставаться со своим начальником-товарищем, которая заботливо относилась ко всем нам. Впоследствии наша Мина Марковна успела защитить кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию по биологии, и стала профессором в институте биохимии в Киеве.

На перевоспитании в ГУЛАГе

Когда я приехал в разрушенный немцами Гомель, я пожалел, что не послушал свою начальницу, которая советовала мне взять отпуск на месяц и съездить к семье в Гомель, чтобы приглядеться. Если понравится, возвратиться в часть и демобилизоваться, а если нет, приехать вместе с семьей в Германию. В тот время это было возможно. Из Гомеля я написал в свою часть и на меня выслали требование. Однако облвоенкомат уже посылал в Германию свежих людей и демобилизованных туда уже не брали. Я понял, что нужно начинать здесь новую жизнь. Во Фридрихсгагене я жил как барон, на перине с бутылкой белого вина на обед. А в Белоруссии была карточная система. Булка хлеба стоила 50 рублей, жидкие супы в столовых с одной картофелиной.

Я поступил на работу в областную библиотеку на должность замдиректора. Это была библиотека другого масштаба, нежели Рогачевская районная. Штат состоял из 30 человек, в большинстве своем люди с высшим образованием. Директором был старик-сибиряк, который окончил Томский университет: педагог и литератор. Мы жили в маленькой комнатке. А после того как нас обокрали и забрали все лучшее из того, что у нас было, в том числе золотые часы, которыми меня премировал перед демобилизацией за хорошо поставленный учет потерь штата 5-ой ударной армии, мы окончательно обнищали. Поэтому

мы с Любой решили возвратиться на старое место жительства, в Рогачев. Еще в Гомеле мы получили радостное сообщение. Нашелся пропавший на фронте сын Гриша, о котором мы 4 года не имели известий. Он был в плену в Германии. В концлагере он остался в живых, потому что смог убедить офицера, что он не еврей, а кераим. Оттуда он бежал и воевал во французском сопротивлении. По возвращении на родину, его отправили в Сибирь, в Черемхово Иркутской области. А там стукач пересказал начальству его жалобы на не милосердие властей. В результате его судили и приговорили к 10 годам лагерей. Отбывал он свой срок в Бодайбо на золотых приисках.

Да и мне самому предстоял подобный сюрприз. Среди читателей библиотеки был старый педагог Г. Скорман, родом из Рогачева. Он ко мне присосался, а я никак не мог предположить, что этот старик агент органов. А 25 августа 1950 года в библиотеку явились два офицера министерства государственной безопасности (МГБ). Они арестовали меня и сопроводили в Гомель, где я во время следствия сидел во внутренней тюрьме МГБ. Первый месяц я сидел в темной одиночке, без прогулок, дожидаясь вызова к следователю. Через месяц меня перевели в камеру, где на нарах вплотную друг к другу спали шесть заключенных. Это были бывшие полицаи, которые перед приходом Красной Армии перебежали к партизанам. Меня стали вызывать на допросы, и начались мучительные ночи. На допрос всех вызывали ночью сразу после отбоя, как только начинали укладываться спать. В «черном вороне» нас привозили в МГБ и там до утра «допрашивали». Часто меня ставили к стенке, и я в этом положении отвечал своим мучителям. Но чаще всего я сидел на стуле, а следователь дремал или спал. Следователь отмечал время начала допроса и его окончания. Чаще всего с 11 ночи до 6 утра. Цель таких издевательств была двойкой. В первую очередь вывести из себя подследственного. Кроме того, это был способ заработать, так как следователь кроме основного

оклада получал почасовую оплату за сверхурочную работу. Часто в камеру к заключенным впускали стукачей. И ко мне подсунули такого с 25-летним сроком заключения, прибывшего с севера. Это был бывший секретарь комсомола Чечерского района, который в годы войны служил в полиции – некто Болсун. Таким стукачам обещали послабление, и они шли за это на грязную работу. С этим типом у меня была очная ставка. Он наговорил на меня всевозможную чушь, поэтому его рассказы мне не повредили. Продержали меня в тюрьме 8 месяцев. Переводили из камеры в камеру, а Люба ежемесячно привозила мне продовольственные посылки. Кормили нас пресной, безвкусной пищей. Меня обвиняли в том, что я слушал зарубежные радиостанции и занимался антисоветской агитацией, распространяя вражескую пропаганду. Но у меня даже не было радиоприемника. Вероятно, я пересказал этому мерзавцу то, что услышал от какого-то посетителя библиотеки. Со следователем мы были знакомы с тех пор, когда я работал в Гомельской библиотеке.

- Лазрь Иосифович, - неоднократно обращался он ко мне, - Зря Вы упорствуете.- Если Вы признаете свои ошибки и покаетесь, Вы тем самым облегчите свое положение. Отказываясь признать очевидное, Вы тем самым заставляете нас прибегнуть к другим методам допроса.

Однажды во время допроса откуда-то издали послышался душераздирающий крик. - Вы слышите? – спросил меня следователь. - Вам это нужно?

Наконец, 12 апреля 1951 года я подписал маленькую бумажку из Особого совещания о приговоре на 10 лет по статье 38-ой – пребывание в трудовом лагере на перевоспитание. Суд мое дело не принял, так как в нем не было достаточно материала, чтобы меня осудить. 18 апреля нас отправили этапом в столыпинских вагонах в Москву, где мы провели 3 дня на пересылке Красной Пресни. Оттуда в Свердловск и снова на 3 дня в тюрьме, затем на 2 суток в Новосибирск, а оттуда уже на место

назначения в Тайшет, где мы на пересылке пробыли 2 недели, и уж потом нас отправили по железной дороге на 1-ю колонну. Там и началась моя настоящая лагерная жизнь.

На нашей колонне было 8 двойных барачков, и в каждом полубарачке было по 20 двухэтажных вагонов, на которых спали по 4 зека на каждой. Матрасы и подушки из соломы. Потолки низкие и ночью воздух стоял, как говорят, хоть топор вешай. Кроме того ночью в сенях стояла параша, аромат которой распространялся на весь барачок. На ночь нас запирали, а форточек не было. Охранники проводили частые «шмоны», и, если находили карандаш, перо, лезвие или даже какую-то часть из них, сажали в карцер. Кормили нас хуже собак. Нашим сторожевым овчаркам выдавали хорошие порции мяса, а мы ели овсяный хлеб, гнилую селедку, мороженую картошку и суп баланду. Среди заключенных были разные типы, в том числе бандеровцы, бульдовцы, священники, офицеры, как советские, так и иностранные: венгры, румыны, чехи, поляки и других национальностей. Я насчитал свыше 30 национальностей как то - чукча, калмык, тувинец. Было немало стукачей. Они занимали привилегированные должности дневальных, работников кухни, каптеров и др. Были случаи добавления срока заключенным по доносам стукачей. Писать письма домой разрешалось дважды в год. Отправляли их в не заклеенных конвертах. Раз в месяц я получал от Любы продуктовые посылки. Две добротные продуктовые посылки прислала мне из Ленинграда наша землячка Полина Сосина, женщина редкой доброты. Она помогала многим нуждающимся. Дважды она прислала мне наличными по 100 рублей. Это было солидное подспорье. В лагере я подружился с Ш. Березиным из Ленинграда. Был он родом из Невела, человеком глубоко верующим. Его все уважали и начальство, и блатные. Вечером, после работы, заключенные собирались кучками возле барачков, по национальностям. Евреев в лагункте было около 15 человек, но так как этапы забирали и приводили иных заключенных, за

все время пребывания в лаг пунктах № 1 и № 6 я встретил около 40 человек. Больше других мне запомнились следующие: А. Пергамент, бывший секретарь народного комиссара иностранных дел Чичерина, доктор наук Гордон; кандидаты наук У. Шлосберг из Минска; Варшавский и Зильберг из Ленинграда; Досковский из Москвы; полковник Ровинский из Киева; заместитель Орджоникидзе Кривицкий; главный инженер киевского трамвайного парка А. Козодой; казенный раввин города Черновцы Давид; председатель еврейской общины Черновцов Печенюк; референт министерства угольной промышленности Шендерович; инженеры: Гибрайх из Одессы, Йоффе из Харькова, Лифшиц из Витебска; скрипач Швайгер из Киева; защитник Сорбутович из Киева; экономисты Хазанов из Брянска, Теплиц из Минска и лица иных профессий: Тонконег из Умани, Шварцбейн из Балты, Купер и Берлага из Одессы, Кашин из Могилева, Ящикман из Черновиц, Фурман из Москвы, Файнберг из Львова, Хазанский из Москвы, Хазанов из Смоленска; директор еврейского театра из Одессы Миндлин; Файтусович из Москвы; Псахин из Одессы; художник Бродский из Гомеля; председатель совета промкооперации при СНК БССР Марголин; зав. облторготделом Могилева Кашин; старший бухгалтер министерства пищевой промышленности СССР Яснович; кандидат педагогических наук В. Марголин из Гомеля; печатник из Гомеля Мерзон; врачи: Грозберг из Лодзи и Ерусалимский из Одессы; фельдшер Верлюбский из Ковно; видный литератор из Поневежа Чахоцкий; Резников из Стародуба; Розман из Олевска; Бертенсон из Московского Малого театра; Лифшиц из Гадяча; Мительман из Липовца и др.

Начальство в лагпункте № 1, где я пробыл около 2 лет, было по сравнению с другими относительно более человечным, и нас особенно не прижимали. Среди младшего персонала было несколько лютых надзирателей и мы старались не попадаться им на глаза, чтобы не получить палочных ударов. Пару раз и мне пришлось посидеть в

штрафном изоляторе. Это был погреб с небольшим оконцем над землей. Когда его строили, кто-то из ретивых заключенных подсказал начальству, чтобы в стенах сизо заложить куски соли. Поэтому там всегда было холодно и сыро. Первый раз меня посадили вместе со всей бригадой, когда мы шумели, перебирая картошку. Поэтому в переполненном сизо было не очень холодно. Но во второй раз, когда я отказался разгрузить мешки с мукой, меня посадили в одиночку без верхней одежды, и я еле выдержал положенные мне двое суток.

Во время моего пребывания в лагере я работал в разных бригадах и на разных работах: ремонтировал железнодорожные пути, по нагрузке леса, на шпалорезке, но больше всего на лесоповале. Когда в 1954 году меня перевели в инвалиды, я работал кострожегом, по заготовке дранки и др. Самая тяжелая работа была в лапункте № 6 на напольных печах кирпичного завода. Это был адский труд. Нас поднимали в 6 часов утра и в 8 часов выводили на работу. Долгое время мы задерживались у ворот пока производили шмон и перекличку. Считали нас по многу раз в день – начинали, путались и снова считали. Обед привозили к месту работы в бидонах. Часто он был остывшим.

Когда приходили письма – это было настоящим праздником. Письма долгое время лежали в ящике у оперуполномоченного, пока он их не перечитывал. Еще большим праздником было поступление посылок. Как ни трудно было Любе прокормиться на своем скудном заработке и содержать нашего младшего сына, она все же ежемесячно посылала мне продуктовые посылки: масло, варенье, сгущенное молоко и др. Это было большим подспорьем, ибо работать на таких тяжелых работах на бескалорийном лагерном питании было очень трудно. Те, кто не получал посылок, доходили до такой степени, что их переводили на одну или две недели на больничное питание. Дважды и я получал больничное питание. В конце 1952 года меня направили в центральную больницу, где мне сделали операцию по поводу геморроя. Оперировал

меня бывший врач кремлевской больницы Паников. После операции, благодаря содействию заведующего отделением врача Грозберга, я пробыл в больнице почти полгода. Грозберг всячески поддерживал попавших к нему заключенных евреев.

Не редки были случаи самоубийства, но еще больше охранники убивали заключенных, перешедших хотя бы на один шаг запретку. Это считалось попыткой к побегу. За убитого заключенного убийца получал денежную премию. Неудивительно, что наши конвоиры охотились за зазевавшимися, которые по ошибке или рассеянности переходили запретку на полшага или более. Хоронили несчастных в мешках, а на могиле покойника устанавливали доску с номером личного дела. Фамилии писать на них не полагалось. Из нашей бригады при мне был застрелен Дорофеев родом из Забайкалья, вывезенный после войны из Китая. Он после обеденного перерыва пошел открывать ворота черной биржи и зацепился возле запретки. Его брата застрелили до этого эпизода на другой колонне. В другом случае на черной бирже застрелили эстонца, который заснул в то время, когда бригада пошла на обед. Когда он проснулся и в одиночку двинулся в столовую, его застрелил охранник с вышки. За несколько месяцев до освобождения повесился чех-художник, очень культурный человек. Сошли с ума Лифшиц из Гаюяча, просидевший около 15 лет, И.В. Никольский – брат бывшего при царском правительстве оберпрокурора святого синода.

После смерти Сталина режим содержания в лагере ослабел и в первую очередь с нас сняли наплечные и накопленные. Мой номер был АИ-71. Каждая буква алфавита составляла 1000 заключенных. Таким образом, я был 39071-й заключенный.

У нас было немало иностранцев. Самые лучшие работяги были венгры и китайцы. Весною 1954 года неожиданно вызвали всех иностранцев, провели их в баню, переодели их в новые костюмы и телогрейки, и назавтра всех отправили в Тайшет. Позже мы узнали, что

их освободили и отправили на родину. Повеселело и у нас на душе. Вскоре приехала комиссия и нас стали сортировать. Больные были сактированы и освобождены. Некоторых из наиболее строптивных отправили в лагеря строго режима, а у нас начались либеральные порядки. Когда проводилось собрание заключенных, вместе с начальством в президиуме сидели и мы. Было улучшено питание, на ночь нас уже не запирали и в карцер никого не сажали. Письма домой можно было писать хоть каждый день. За работу стали платить, появился ларек, где можно было купить консервы, печенье, булочки, папиросы и т.д. В первых числах марта мне снилось, что меня вызывают на освобождение. Я в то время уже около года работал писарем у подрядчика. Это была легкая служба, и бывшие работяги из нашей бригады мне завидовали. На нашем лагпункте были два земляка: один одноглазый бывший полицаи из Крушиновки и бывший при немцах заведующим конторой заготскота Васюченко. Оба 25-летники. Васюченко считали специалистом по разгадыванию снов. В лагере было несколько таких специалистов, но считалось, что мой земляк угадывал лучше других. Когда я ему рассказал про свой сон, он сказал: «Скоро тебя освободят». Действительно, через пару недель меня вызвали к начальнику режима и сказали, что мне сократили срок на половину, т.е. на 5 лет, а по второй половине я подлежу освобождению по амнистии. Если в лагере кого-нибудь освобождали, то делали это быстро, чтобы не кормить выбывшего ни одного лишнего дня. Я быстро собрался, кое-как распрощался с моими лагерными друзьями и собрался ехать на пересылку. Был у нас заключенный из Москвы, бывший ответственный работник ВЦСПС Захарович. Его в свое время подхватили на улице, и он уехал, как был в очень дорогой шубе. Перед моим отъездом он попросил меня отвезти эту шубу его жене в Москву. Я не мог ему отказать и взял эту дорогую посылку даже без упаковки. На пересылке было немало блатных, которые заметили шубу и собирались ее забрать

у меня. Мне удалось достать мешок и запаковать ее. Все время я лежал на этой пачке. Хорошо, что на пересылке я пробыл всего лишь 3 дня. Документы оформили быстро, и мы сели в вагоны впервые за долгое время без конвоя и собак. Поезд довез нас до станции Тайшет. В то время станция была уже большая, но очень грязная. Еще лежал снег, но уже началось таяние, а я был в валенках. В тот же день мы взяли билеты до Красноярска, а там пересели на прямой поезд в Москву. В столице я переехал на Белорусский вокзал и пошел искать адресата злосчастной шубы на 1-й Мещанской. Вечером с пересадкой в Орше двинулся к месту конечного назначения.

В 11 часов вечера я уже был в Рогачеве, где меня встретили сыновья. Вскоре я получил паспорт, а затем «зарплату» за 2 месяца. До моего ареста у нас была 16-метровая комната в этом же доме, но когда меня забрали, Любу, как жену «врага народа», переселили в 9-метровую комнатуху. Устроиться по специальности я не смог, так как никто не хотел рисковать, взяв на работу бывшего зэка. Тогда я решил распрощаться с культпросвет учреждениями и взяться за специальность, которой владел в годы моей молодости – торговлю. Как раз освободилось место в галантерейном магазине, которым заведовал Шпиц. Он пришел к нам и пригласил меня на работу. В мае 1955 года я стал работником прилавка в горпищепромторге. Проработал я там несколько более двух лет до ухода на пенсию.

Рогачев за время моей жизни превратился из процветающего города в городской поселок, где вместо многочисленных предприятий, перечисленных мною выше, остался только молочный комбинат. В результате осушения болот резко обмелел Днепр. Еще тащатся по нему грузовые баржи, но уже нет пассажирских пароходов. Евреи разъехались в разные города СССР. Экономическая жизнь в городе увяла. На почве всеобщего озверения расцвел антисемитизм.

Рогачевцы не знают истории города и не хотят ее знать, потому что тогда придется говорить о евреях, а у них даже это слово вызывает отрицательные эмоции. Таков результат 70-летнего правления коммунистов. Кто был никем, тот и остался никем, даже получив власть.

Я бы хотел рассказать вам детективную или любовную историю, чтобы вас не клонило ко сну, но глубокие страсти, вероятно, бушуют в крупных городах: в Минске, Москве или Ленинграде. Рогачев – это глубокая провинция. Мы жили размеренной, и может быть с точки зрения столичных жителей скучной жизнью.

Он закончил читать свою третью тетрадь. И хотя читал не спеша и с чувством, его слушатели быстро утомились. Давид сидел с закрытыми глазами, и что-то мял между пальцами. Из-за слабого слуха он быстро потерял нить повествования и погрузился в свои обычные думы. А Фридрих сполз с кресла, шляпа его закрыла лицо, и оттуда доносился легкий храп.

Лазарь Кучинский больше не появлялся в клубе пенсионеров. Сначала он попал в больницу, из которой его перевели в гериатрический центр, где он и скончался в 1990 году.

Глава II. Шлимазл

Фридриху с самого начала не понравилась идея Гени. Когда на следующий день Лазарь в клуб не приехал, Геня толкнула локтем Фридриха, мол, Ваша очередь.

– Не время, - сказал он.

Теперь это время пришло, и я сам поведаю его историю. В начале 80-х ко мне позвонил мой дядя Фридрих и сказал, что хочет рассказать историю своей жизни, о которой никто не знает. Могу ли я записать его рассказ и после его смерти передать эту запись его детям? Я был заинтригован. Он приезжал ко мне несколько раз. Мы беседовали, я записывал и вот что получилось.

- Я ждал этого момента. Многие десятилетия мне приходилось скрывать некоторые обстоятельства своей жизни. Знаю, что, судя по моему поведению, родственники и знакомые считали меня, если не придурковатым, то, во всяком случае, недотепой. Иначе говоря, шлимазл. Может быть это и правда. Но не вся. К сожалению, мне приходилось играть роль, о которой до сих пор не знают даже мои дети. Вот я и решил, что пришло время рассказать правду. Теперь меня донимает страх: успеть бы. В перерывах между встречами с тобой я продолжал, про себя, рассказывать свою историю. И дома, особенно ночью, переверачивая в уме страницы прошлого, я спрашивал себя: - «Может быть, упустить этот факт или другой? Нет и нет! Рассказывать, так до конца.

Я родился в 1902 году в местечке Быхов Рогачевского уезда в семье Якова Певзнера. Отец мой был столяром. Но содержал семью в основном за счет аренды садов. Постоянно арендовал сад местного попа. Ящики с яблоками складировались в одной из комнат деревянного дома и на чердаке. Семья жила на деньги, вырученные от продажи

яблок на базаре. Нередко денег не хватало для аренды сада на следующий год. Тогда приходилось брать ссуду в банке.

Две мои сестры от первого брака отца после смерти их матери рано ушли из дому и уехали в Киев. Папа был удивительно красив с правильными библейскими чертами лица. А мама была серой мышкой с выпирающей вперед нижней челюстью. Самый старший и братьев Мендел был похож на папу, а остальные, в том числе я - на маму. Зато красавчик Мендел имел мамашин характер. Он был на редкость молчалив и религиозен. Еще до первой империалистической войны он сватался в Рогачеве к красавице Фане. Слух о том, что к Фане приехал свататься очень красивый парень, быстро разлетелся среди родственников и знакомых. К дому потянулись любопытные. Вскоре после сватовства началась война, и его забрали в армию.

Я был самым младшим из четырех братьев, рожденных во втором браке отца. В 1916 году, когда мне исполнилось 14 лет, отец умер. Он скончался внезапно по дороге в синагогу. К этому времени старшие братья ушли из дому. А Мендел и Хаим успели попасть в германский плен.

Мать зарабатывала мелкой торговлей на базаре. И до того жизнь не была сытой, а после смерти отца необходимо было зарабатывать самому. После похорон отца, я ежедневно ходил молиться в синагогу. Как-то в синагоге ко мне подошел владелец типографии.

- Чей ты, мальчик? – спросил он.

- Якова Певзнера, – ответил я.

- Если хочешь, я могу взять тебя в ученики. Я знал твоего отца, поэтому плату за учебу не возьму.

Так, я устроился в частную типографию. Около года я работал бесплатно. Мне долгое время не доверяли серьезной работы. В то же время, для того, чтобы стать мастером наборщиком, необходимо было тренироваться в наборе текста. Я выпрашивал у мамы деньги, покупал

конфеты на 20 копеек и давал мастеру, чтобы получить право самому набирать текст. Когда началась революция, я уже работал самостоятельно. Это было время бешеной инфляции, а хозяин не торопился повышать соответственно зарплату. Когда в очередной раз наши просьбы не увенчались успехом, мы договорились не приступать к работе, до тех пор, пока хозяин не согласится с нашими требованиями. У владельца типографии горели заказы, и он согласился прибавить к жалованью.

Во время немецкой оккупации Западных областей России я из Быхова уехал в Киев. Меня приютили сестры, Майя и Голда, которые были значительно старше меня. Еще в 12-м году Голда вышла замуж. К тому времени в качестве приданного она скопила солидную сумму – около 300 рублей. На следующий день после свадьбы она снарядила мужа в дорогу. Он уехал в Америку, чтобы не идти в армию. В то время в Америке был экономический бум. Люди хорошо зарабатывали, быстро обогащались. Во всяком случае, мы в России так считали. И в самом деле, для нас тот достаток, которого быстро достигали там, представлялся настоящим богатством. К тому времени, когда муж устроился и выслал ей вызов, Голда успела его забыть. Она не решилась расстаться с сестрой и не поехала в Америку.

Когда я приехал в Киев, там правила Украинская Рада во главе с гетманом Скоропадским. С первых же дней я устроился в маленькую типографию и делал там печати. Но на тот паек, который я там получал, невозможно было прожить, поэтому я вскоре перешел в другую типографию. Там я печатал билеты в кино. А когда пришли красные, поступил на работу в типографию генерального штаба военного округа. На паек я получал хлеб, сало и мануфактуру. Этого хватало, чтобы не умереть, но чувство голода меня не покидало почти никогда. Мануфактуру не съешь, и обменять ее на съестное было не так уж и просто.

Зимой 19-го года сестры уехали в Питер. Вероятно, целью их поездки был бартерный обмен. Я остался в квартире один и вскоре почувствовал себя хозяином. Не мог без раздражения смотреть на стопки заработанной мной и сестрами мануфактуры. Вид этого дешевого, никому не нужного материала, который лежал и в шкафу и на полу, только усиливал голодное урчание в животе. Через неделю полной свободы у меня наступило временное помутнение сознания. В субботу вечером я решился расстаться с этим тряпьем. Воскресным утром я ввалил большой пакет мануфактуры на плечи и пошел на базар.

Как сейчас вижу перед собой толпу людей в серой не глаженной одежде с изможденными худыми лицами. Передвигаются медленно, порой уступая дорогу идущим навстречу – толкуются. К сожалению, предложение разной мануфактуры значительно превышало ее спрос. Селяне, кормильцы наши, правили здесь бал. Я длительное время не ел мяса, поэтому искал сало с толстой прослойкой мяса на краю. И когда нашел, долго смотрел на него, после чего пошел и обменял материал на хлеб.

К приезду сестер весь хлеб уже был съеден. Сестры были портнихами. И эти куски тканей представляли для них значительную ценность. Это я начал осознавать в ожидании их приезда, когда хлеба уже не было, а день расправы приближался неумолимо, как железнодорожный состав. Пропаж мануфактуры быстро раскрылась.

- Где отрезы? – Дрожа от возмущения, набросилась на меня Голда.

- Мне нечего было есть, - оправдывался я, - пришлось все продать. Кроме того, там были и мои куски.

- Боже мой, что за напасть на нашу голову! Это благодарность за то, что мы тебя приютили. Пригрели змею. Ты что, не получал паек?

- Этого было так мало, что я не смог вытерпеть, - потупив взор, оправдывался я.

В русском языке нет таких смачных слов и выражений, которыми меня награждали сестры на идиш. Одна соревновалась с другой. Я сел на стул и молчал. «Когда-нибудь ведь это кончится», - думал я. Постепенно смысл жалающих слов перестал доходить до моего сознания. Я даже пропустил тот момент, когда они оставили меня в покое. И вдруг как обухом по голове.

- Фридрих, ты что - не слышишь? Вон из нашего дома. Завтра же после работы забирай свои вещи и уходи.

Так в шестнадцать лет я остался без крыши над головой в почти незнакомом городе. Я не знаю, что бы я делал, если бы меня не приютил на Подоле мой напарник, которому я рассказал о своем положении.

Вскоре через сестер меня нашел старший брат Хаим. Он недавно вернулся из австрийского плена, работал заготовщиком. Мы гуляли с ним вечером в центре Киева, и он рассказывал о своем пленении.

Это было весной 1915 года, - начал он. - Мы сидели в окопах. В это время таял снег, и жидкая каша постоянно заполняла окопы. Тылы не успевали доставлять пищу и боевое снаряжение. Солдаты были зверски голодны и измучены влажным холодом и вшами. У меня с напарником была одна винтовка и буквально несколько патронов. Когда немцы начали наступление, мы не успели опомниться. Вся рота оказалась в окружении врага. Так я попал в плен. На следующий день меня вызвали на допрос к немецкому офицеру. Он с самого начала был в раздраженном состоянии. Задавал мне вопросы, на которые я не мог ответить хотя бы потому, что был рядовым солдатом. Офицер быстро вышел из себя и приказал повесить меня вверх ногами. Кровь прилила мне в голову, и я быстро потерял сознание. Сколько я находился в подвешенном состоянии, не знаю. Очнулся я, лежа на соломе. Уже была жуткая тьма. Затем я попал в лагерь для военнопленных, где встретился с братом Менделем. А из лагеря нас

обоих взял еврей, для работы на его сельскохозяйственной ферме. Смотри, - Ефим вытащил из кармана фотографию. Он с Менделем сидел за столом рядом с бородачом и женщиной средних лет. Все подымали бокалы с вином, а их взоры были обращены на фотографа. - Вот это хозяин и хозяйка, - указал пальцем Хаим. – Мы празднуем первый день пасхи. Поверь, - продолжал мой брат, - мы чувствовали там почти как дома. В этом местечке было несколько еврейских семей. И у меня и у Мендела были девушки, с которыми мы проводили свободное время. Зачем я возвратился в Россию? Разве мог представить, что тут такая разруха? В газетах писалось, что в России власть перешла Советам. Говорилось, что землю передадут крестьянам, а фабрики и заводы рабочим, что все национальности равны и нет ограничений для евреев. Мы в это не очень то и верили. И хозяин смеялся, говорил, что все это утки. А нам хотелось верить назло ему. Когда начался массовый отъезд пленных в Россию, Мендел вспомнил, что у него там осталась невеста. И вообще очень тянуло на Родину. Вот мы с ним и вернулись. А жаль.

Спустя несколько недель наша типография оформляла документы уезжающим в Венгрию пленным мадьярам. Я встретился с Хаимом и предложил ему свои услуги. Он с восторгом принял мое предложение. Я поставил ему на документы печать Красного Креста и вскоре проводил его в дальний путь. Из писем мы узнали, что жил он в Будапеште. Обзавелся там большой семьей, родив подряд семь мальчуганов. Когда к власти пришли фашисты, у него не было денег откупиться и уехать из Венгрии. Мы получили от него письмо с просьбой ко всем братьям собрать денег для спасения его семьи. Я не говорю о том, что все мы были нищими, как конторские крысы. Но даже если бы у нас и были необходимые деньги, то в этот период сталинского террора мы не смогли бы ему их переправить. Мы даже не ответили. Это было смертельно опасно. С тех пор мы никаких вестей от него не имели.

Когда Деникин подступал к Киеву, я уехал в Быхов. И тут меня захватили идеи равенства и раскрепощенного труда. Не удивительно. Ведь для большинства жителей еврейских местечек жизнь до революции была не легкой. Я искренне верил, что не за горами счастливое время сытости, равенства и расцвета всего того что может расцветать: всеобщей культуры, еврейского искусства, сельского хозяйства и промышленности. Уже даже что-то наклеивалось. Равенство – пожалуйста. Появились множество еврейских газет. В девятнадцатом году я вступил в комсомол, чтобы активно участвовать в приближении этого счастливого будущего. Меня направили на учебу в уездную партийную школу. Мы с упоением читали книги знаменитых теоретиков коммунизма: Маркса, Бернштейна, Троцкого и Ленина. Их идеи были исключительно ясны и, казались, безусловно, верными. Особенно вдохновляла мысль, что мы идем впереди мировой революции. Так хотелось осчастливить весь мир. И от этой веры я и мои друзья комсомольцы находились в постоянной эйфории. В двадцать первом году меня направили на учебу в губернскую партийную школу в Гомеле. Вскоре после этого я уехал в Быхов. Как и прежде работал наборщиком, а общественную, то есть партийную, нагрузку выполнял как член еврейской секции уездного комитета комсомола. Основная работа в тот период была направлена на борьбу с сионизмом.

Сионистское движение у нас было представлено двумя партиями, которые в ту пору были легальными. Поалейцион – рабочая сионистская партия была приверженцем социалистических идей. Ее членами были в основном рабочие и ремесленники. В те годы поалейцион входила в Коминтерн. Цейрецион – это буржуазная сионистская партия, в которую входили дети буржуа и лавочников, а также гимназисты. Каждая из этих партий после февральской революции выставляла списки своих кандидатов на выборах в учредительное собрание. Общей для них была идея, что евреи могут обрести свободу и равенство только в своей

стране. Они пропагандировали выезд на свою историческую родину – в Палестину. Там в то время жили в основном арабы, которые не собирались уступать земли евреям, вполне обоснованно считая Палестину своей родиной. Сионисты готовились к борьбе с арабами, чтобы отвоевать у них земли своих предков. Цейрецион имела свои клубы и спортивные команды, в том числе и футбольные. Вся их деятельность была направлена на подготовку к жизни в условиях борьбы. Они также собирали деньги отдельным лицам, которых отсылали в Палестину. Правда, в Быхове эти партии были малочисленными. Наиболее сильной среди еврейского населения была организация БУНДа, которая выступала против сионистов.

Антисионистская работа вначале двадцатых годов в основном заключалась в пропаганде. Мы доказывали всем, что за равенством с другими народами нечего ехать так далеко. Вот оно равенство - у нас дома. Есть еще конечно несознательные личности, которые не любят евреев, но мы будем с этим бороться. Если не будет эксплуатации человека евреями буржуями, то и не будет почвы для антисемитизма.

Однажды, когда мы вечером собрались в партячейке, наш секретарь сказал, что пора бороться с сионизмом более решительно.

- Наша задача изъять у сионистов их провокационную литературу и письма из Палестины. Мы разделимся на три группы и пойдем по этим вот адресам. – Он назначил руководителей групп. Передал заранее подготовленные списки, и мы с ружьями за плечами пошли выполнять задание. Я был в некотором недоумении. Официального сигнала ни в литературе, ни в современных лозунгах о смене тактики борьбы с сионизмом не было. Вероятно, имелось негласное указание свыше.

В нашей группе было два еврея и один белорус. Каково же было мое разочарование, когда первый дом, куда мы явились с обыском, оказался домом родственников моих сестер. Нам открыла дверь мать семейства.

Ее детей, членов поалейцион, не было. Я старался спрятаться за спины моих товарищей. Но тетя Хая заприметила меня.

- Что ты делаешь! - обратилась она ко мне. - Ты же сын Якова?

Тогда мне было очень неловко. Я не мог найти себе места. Но и не мог повлиять на ситуацию. Таковы были правила партийной дисциплины. Когда сейчас я вспоминаю этот случай, который особенно запомнился в ряду других не менее печальных, мне становится стыдно. Эти люди, я говорю о сионистах, рискуя жизнью, добирались в Палестину через многие европейские страны, погибали от пуль арабов, от косившей их ряды малярии, сажали леса, осушали болота, строили Израиль. А я мешал этому. Я фактически был на стороне арабов. Давно я понял, что был не прав. Но это случилось в более поздний период, когда уже не было возможности «спрыгнуть с поезда». Я задаю себе вопрос: оправдывает ли меня в какой-то степени тот факт, что я действовал с благими намерениями и верил в непогрешимость коммунистических вождей? На этот вопрос я до сих пор не нашел ответа.

В 1922 году уезды были ликвидированы. Я уехал в Рогачев, где в то время проживали мама и брат Мендел. Меня назначили секретарем союза кожевников. Это уже был период новой экономической политики (НЕПа). Частные предприниматели развернулись и обогащались. Это нас обескураживало, потому что положение рабочих ничем не отличалось от дореволюционного времени, а порой было даже тяжелее. Мы с председателем профсоюза проводили рейды по кожевенным предприятиям и там, где находили нещадную эксплуатацию рабочих или антисанитарные условия на производстве, проводили общественные суды и заставляли хозяев выплачивать штрафы.

В это время мама жила в доме моего старшего брата Мендела. Он был военным портным и мог целыми днями, сидя за машинкой, не произнести ни единого слова. Кто знает, какие проблемы решал про себя этот молчун. Его жена Фаня была его полной противоположностью.

Это была энергичная и веселая женщина, которая не только любила поговорить, но и нуждалась в постоянном общении. Нередко можно было слышать вопрос, доведенной до отчаяния женщины: - «Мендел, чего ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь!» Однажды ее призыв попал на не очень удачную почву. Может быть, она прервала его тайные грезы или переполнилась чаща терпения на фоне обостренного чувства неудовлетворенности. После непродолжительной перепалки он резко поднялся со своего стула, часто дыша, вскочил на табуретку и открыл дверку шкафчика, где находились лекарства и бутылочка с серной кислотой. Но его попытка отравления не удалась. Фаня вырвал смертоносную жидкость из его рук.

В каждой семье периодически возникают конфликтные ситуации. И семья моего брата не была исключением. Их ссоры случались не чаще, если не реже, чем в других семьях, но зато чувства были высокого напряжения. Недаром говорят, что в тихом болоте черти водятся. Фаня занималась домашним хозяйством. В ее обязанности входило уборка дома, приготовление пищи и воспитание детей. Ей хватало работы по дому, но она всегда находила время посудачить с соседями, часто ходила в кино и суд, где ее одно время избрали народным заседателем. Она любила слушать судебные дела и тогда, когда не была занята в судебном процессе. Да, она была умной женщиной, но не до такой степени, как она себя оценивала. Она любила читать нравоучения. Дети переносили их легко, и им это приносило пользу. Но, когда она «пилила» мужа, его терпение подвергалось большим испытаниям. Об одном из таких редких случаев я и хочу рассказать.

Мендел купил бочку для замочки белья. В то время белье не кипятили. После стирки его клали в бочку с тремя ножками. Поверх бочки завязывалась тряпка, на которую сыпали золу из печки, и затем заливали кипящей водой из чугунов. На боку бочки над самым дном была дырка, закрытая затычкой. Через несколько часов после заливки

воды, затычку убрали, и вода из бочки через это отверстие постепенно вытекала в таз. Из золы образовывалась сильная щелочь, которая отбеливала белье. Через сутки белье вынимали из бочки, полоскали и вывешивали сушить. Так вот, мой брат в новой бочке сделал отверстие над одной из ножек, что не давало возможности подставить таз. Фаня двое суток, что бы она ни делала, все время повторяла: - «Дырку в бочке нужно делать между ножками, между ножками, между нож-ка-ми ...».

Однажды, выведенный из себя нотациями жены, Мендел вышел из дома и не вернулся. Через сутки Фаня поняла, что случилось что-то неординарное. Когда все родственники были опрошены, у нее осталась только одна версия, он утонул. Ведь муж неоднократно грозился утопиться, если она не прекратит его «пилить». Его тело искали баграми в Днепре, но безуспешно. Прошло несколько недель. Обросший и грязный он возвратился домой. Он мне рассказал, что после ссоры с Фаней он достал из мешка с пшеницей золотые монеты, оставшиеся после продажи отцовского дома, и решил удрать в Венгрию. Туда, где во время Первой Мировой войны, будучи в плену, он крутил шашни с одной еврейской девушкой. Там же нашел свою судьбу его старший брат Ефим, вместе с которым во время пленения он работал у хозяина еврея. На границе его задержали, деньги конфисковали, а через несколько дней ареста, выяснив обстоятельства, отпустили восвояси.

В доме моего брата произошло еще одно неординарное событие. Во дворе его дома был большой сарай. В одном углу была корова, а во втором Фаня откармливала гусей. Однажды все гуси полегли одновременно. Их обездвиженные тела были разбросаны по всему двору. Было очевидно, что они отравились, а значит, их мясо нельзя употреблять в пищу. Я представляю, как тяжело было Фане принять решение обскубать их, перед тем как закопать в землю. Какой огромный труд пошел насмарку. Какие надежды пропали из-за этого события. Но

делать нечего, хоть пух для перины и, то какая-то польза. Общипанные тела к вечеру выбросили в угол двора, чтобы утром закопать их в общей могиле. Каково же было удивление всех членов семьи, когда утром общипанные уродцы горланили у крыльца, требуя пищи. Вот уж было смеху, когда нашли всему этому объяснение. Оказывается, Фаня сделала вишневую наливку, и, когда ягоды перебродили, слила наливку в бутылки, а винную ягоду выбросила под забор. Гуси съели эти ягоды и вдребезги пьяные свалились в разных уголках двора. Когда же они, будучи уже общипанными, протрезвели, им захотелось опохмелиться. Надо сказать, что перья у них постепенно отрасли, и новое оперенье стало не хуже прежнего.

В 1923 году я уехал в Гомель в распоряжение губернского комитета партии (губкома), а оттуда меня направили в Клинцы. Это был промышленный городок. Там было семь суконных фабрик, кожевенный завод и другие предприятия. Горожане с гордостью говорили, что их город – это маленький уголок Москвы. Я работал наборщиком, выполнял партийные поручения. Энергии было много, старался быть на виду. И не зря. Уездный комитет комсомола решил направить меня в университет народов Запада, в котором было еврейское отделение. Однако партийная организация меня не отпустила. Я был очень расстроен. Зашел в уездный комитет комсомола, чтобы выяснить причину отказа. На мое счастье или, вернее, несчастье, в кабинете секретаря, который вышел в другой кабинет, я увидел свое личное дело. Не долго думая, с мыслью самостоятельно уехать в Москву и поступить в университет, я схватил свое дело в охапку и быстро удалился. Боже мой! Какой поднялся ажиотаж. Мое дело длительное время искали. Затем вызвали меня. Мне пришлось признаться. Мое поведение разбирали на партийном собрании, а кончилось тем, что я был исключен из партии. У меня отняли партийный билет и пистолет, который я владел как член ЧОНа (части особого назначения). Эти военно-партийные отряды

создавались для оказания помощи органам Советской власти для борьбы с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и др. Я уехал в Рогачев призываться в армию. Шел 1924 год.

Служба протекала в городе Дорогобуше Смоленской области. К счастью политруком роты там работал мой знакомый по совместной работе в Клинцах. С его помощью я поступил и окончил полковую школу младших офицеров. Во время службы в часть пришли документы о восстановлении меня в партии. Губком отменил решение уездного комитета партии. Через полтора года службы меня демобилизовали в запас политруком роты запаса.

Игры в демократию

В 1925 году, сразу после демобилизации, я приехал в Минск. В то время была жуткая безработица. Однако обком партии устроил меня наборщиком, и жил я в общежитии обкома партии на улице Энгельса. В качестве общественной нагрузки я обучал истории партии одну партийку, персиянку. Она была старше меня, но не имела никакого образования.

В 1926 году, накануне 14-го съезда партии шла острая дискуссия центрального партийного руководства с ленинградской оппозицией, которую возглавляли Каменев, Зиновьев, Крупская и Евдокимов. Камнем преткновения был вопрос о том, что предпочесть в дальнейшем планировании. Развивать в первую очередь легкую или тяжелую промышленность? Зиновьев предлагал выделить один миллиард рублей для развития легкой промышленности. По ценам того времени это была колоссальная сумма. Обоснованием являлось бедственное положение населения и всей страны вообще. Первоочередное развитие легкой промышленности обещало быстрый оборот капитала и подъем производства. Сталин предлагал направить основной капитал на

развитие тяжелой промышленности, чтобы укрепить обороноспособность страны. Теперь мы знаем, что фактически это было внешним проявлением борьбы за власть внутренних группировок. Вместо компромисса и разделения средств как, на легкую, так и на тяжелую промышленность, партийные группировки обостряли противоречия. Каждая из них рассчитывала на победу. Неофициально распространялось письмо-завещание Ленина, которое он, будучи серьезно болен, направил 13-му съезду партии. Ленинградская оппозиция выступала за открытое опубликование этого письма. В нем говорилось, что Сталин не может исполнять обязанности секретаря партии, потому что он груб и жесток. О Троцком говорилось, что он может руководить партией, но над ним должен быть постоянный партийный контроль. Другие кандидаты, как мне помнится, в этом письме не обсуждались.

Один мой товарищ по работе, зная мою активность по выступлениям на местных партийных собраниях, как-то предложил посетить интересную лекцию. Оказалось, что это было подпольное собрание членов партии, поддерживающих ленинградскую оппозицию. Всего собралось пятнадцать человек. Организатором и руководителем собрания и всей этой группы был секретарь партийной организации ГПУ Волков. Вначале разбирали книгу профессора Устралова. Это был бывший эмигрант, который снова возвратился в Россию после введения НЕПа и работал на КВЖД. В этой книге он с удовлетворением доказывал, что сталинская политика НЕПа постепенно приведет к уступкам и фактическому вращению в капитализм. Автор книги был представителем течения «Смена вех», которое состояло из представителей интеллигенции, возвратившихся в Союз из эмиграции во время бурного роста производства под флагом новой экономической политики. На собрании говорили, что Сталин идет вправо. Затем зачитывали завещание Ленина. Кроме того, обсуждали возможность

построения социализма в отдельно взятой стране. Приводили высказывание по этому вопросу разных вождей. Оказалось, что Ленин в одной из работ доказывал, что победа социализма в одной стране возможна, а в другой придерживался противоположного мнения. Троцкий считал, что без победы пролетариата в других странах построить социализм невозможно. А Сталин возражал, что если стоять на такой позиции, мол, все равно невозможно построить, так получается, что и не следует к этому стремиться. Это, мол, нонсенс. Мы разошлись поздно вечером. Я чувствовал себя человеком значимым. Ведь обсуждали нешуточные проблемы.

Спустя несколько недель, на городском партийном собрании в клубе строителей подводились итоги этой нашумевшей дискуссии. Сталинский призыв к единству партийных рядов стал побеждать. Убедительным фактором служили аресты представителей оппозиции, которых изымали из партийных рядов без суда. Этот факт был одним из вопросов, поднимающих оппозицией. Но она была слаба, и поддерживающие ее члены партии еще не поняли, чем они рискуют. Не понимал этого и я. Основной докладчик на этом собрании рапортовал центральному комитету, что члены Минской партийной организации едины в поддержке сталинского курса и поэтому организация сильна, как никогда.

- Не допустим в наши ряды отщепенцев! – закончил он. В тот момент я отдал бы свою жизнь, чтобы наши ряды были едины и сильны. Меня распирало от сознания, что только я знаю действительное положение дел. Когда докладчик сел, какая-то сила подбросила меня. Я встал и поднял руку.

- Прошу, товарищ, – протянув руку в мою сторону, сказал председательствующий. Я даже не видел, а почувствовал спиной, как взгляды всех членов собрания обратились в мою сторону. И они с какой-то сверх естественной силой вытолкнули меня к столу председателя.

- Дорогие товарищи! – начал я, - сила нашей партии в единстве. Но нельзя закрывать глаза на действительность. Предыдущий оратор сказал, что наша партийная организация едина на позициях центра. Но я с этим не согласен. К сожалению, в минской городской организации есть члены партии, поддерживающие ленинградскую оппозицию. Этой группой руководит товарищ Волков из ГПУ. Две недели назад я случайно попал на их собрание и понял, что они против построения социализма в нашей стране. – Меня переполняли чувства, и казалось, что я могу говорить еще и еще. Но вдруг оказалось, что я уже все сказал. Растеряно оглядевшись, я закончил, - Вот и все! – и пошел к своему стулу. В это время из зала раздавалось несколько восклицаний. «Это ложь! У нас был обыкновенный семинар по текущему моменту!». Честно говоря, я был так взволнован, что не слышал последующих выступлений и не помню реакции зала. А когда вышел из клуба, меня поджидало несколько человек из этой группы.

- Мерзавец! Кто тебя тянул за язык? – Схватив за грудки, выкрикнул мне в лицо рыжий парень. Кто-то сзади пнул ногой мне под зад. Кто-то плюнул в лицо. Я вырвался и побежал к впереди идущей группе партийцев. Так, затесавшись в куче спорящих на ходу людей, я избежал расправы.

Вскоре после этих событий посадили студента медика, в комнате которого собиралась группа оппозиционеров. Спустя несколько лет исчез и сам Волков. Надо сказать, что я сожалел о содеянном. Я не ожидал такого эффекта от моего выступления. До сих пор я верил во фразеологию партии о демократии и плюрализме. Факт исчезновения людей за взгляды отвернул меня от тогдашнего партийного руководства, и это вскоре сыграло со мной еще одну злую шутку.

Перед 15-м съездом партии Сталин обрушился в печати на Зиновьева, Каменева и других партийных лидеров, обвиняя их в социал-демократическом уклоне. В партийных организациях обсуждался вопрос

об исключении их, а также Троцкого из партии. Вот и у нас на городском партийном собрании долго дискутировали по этому вопросу и, в конце концов, он был поставлен на открытое голосование.

- Кто за исключение из партии Троцкого, Каменева, Зиновьева и их сотоварищей, прошу поднять руку. – Объявил председатель собрания. Поднялся лес рук. – Кто против? – Таковых не было. – Кто воздержался? Я не могу сказать, что я долго обдумывал этот вопрос – как голосовать. Голосовать «за» исключение я не мог, потому что был против методов борьбы центрального аппарата партии с инакомыслием. Голосовать против - я не решился. Я думал, что воздержаться от голосования это то, что необходимо в данный момент. Я оказался единственным, кто воздержался. Все члены партии повернули головы в мою сторону. Кто-то смотрел с недоумением, кто-то с презрением. Вслед за мной выступил редактор газеты «Звезда» Шафран. Он выразил удовлетворение итогами голосования и не забыл съязвить в мою сторону: - «Что ж сказать – все за единство партийных радов. Только Троцкий и Певзнер, против. Не так уж и много». Забегая несколько вперед, я должен отметить, что верность сталинскому курсу не помогла товарищу Шафрану и, спустя некоторое время, он внезапно исчез, после чего и его стали называть «врагом народа».

В 1929 году во время чистки партии, наконец-то, вспомнили, что я когда-то посетил собрание оппозиционной группы, и, несмотря на то, что это было только один раз, мне вынесли партийный выговор и с тех пор перестали давать общественные поручения. Я оставался работать на прежнем месте. А тут еще стали создаваться коммунистические бригады. Как бы человек ни работал, деньги делили поровну. Я был молод, работал быстро. А были и такие, кто работал спустя рукава. До чего же было обидно получать с ними одну и ту же зарплату. Это было просто издевательством над здравым смыслом. Тот, кто придумал эту систему, был идеалистом. Предполагалось, что в соревновании друг с

другом члены коллектива будут помогать друг другу, что будет способствовать повышению производительности труда. Это было рассчитано на идеального человека, которого собирались воспитать в нашем обществе. В то время таких людей было очень мало. А сейчас и того меньше. Человеческое сообщество состоит из разных людей. Коммунистическая идея потому и нереальна, что рассчитана на воспитание идеальных, а вернее нереальных людей. А в нашем случае фактически отняли стимулы для повышения производительности труда. Я выступил против бригад. В отместку за это руководство типографии создало мне такие условия, что я был вынужден уволиться с работы. А в наказание меня исключили из партии.

Делать нечего. Я устроился на работу в типографию Совета Министров. Жизнь начала входить в обычное русло. Я потихоньку стал забывать о неприятных событиях прошлого. Пора было обзаводиться семьей. В 1930 году я во время отпуска поехал в Рогачев, и оттуда привез в Минск жену. Нина была очень рассудительная и начитанная девушка. Вскоре родилась дочка, а затем и сын. Я объяснял все мои предыдущие неприятности импульсивностью в результате сексуальной неудовлетворенности. Казалось, что все эти казусные удары судьбы позади. Вот тут-то я и утратил осторожность.

В 1932 году на моей работе, как и по всей стране, шла кампания по сбору средств в помощь заключенным революционерам других стран, в кассу так называемого МОПРа. Как водилось в то время, на собраниях подробно разбирались опубликованные в западной прессе душеспитательные случаи невыносимого положения политических заключенных. Деньги давали все. Выбора не было. Вернее был, но очень плохой. В лучшем случае можно было потерять работу. И никто не хотел попасть туда, куда увозят «врагов народа». На таком вот собрании я, находясь в благодушном состоянии, потерял над собой контроль.

- А нашим заключенным что-нибудь перепадет из этих средств? –

спросил я и тут же понял, что попался. Что меня дернуло сказать эту фразу, всего одну фразу – не знаю. Она произвела эффект разорвавшей бомбы. На меня была направлена вся артиллерия. Мало того, что на меня навалились местные активисты, явились для промывания мозгов представители совнаркома. Во время общего собрания никто не обращал внимания на мои извинения. Создалось впечатление, что все были рады этому случаю. Простые работники смотрели на этот спектакль, потирая руки. Каждый из них радовался, что не он объект такого внимания. А партийная верхушка захлебывалась от удовольствия. Появился счастливый случай для проведения показательной экзекуции. Будет о чем рапортовать вышестоящему начальству.

- Как ты мог...?! Когда партия, вся страна, все прогрессивное человечество...! Наши враги могут радоваться... Ты льешь воду на мельницу наших врагов... - Долетало до меня с трибуны собрания. Заключительное слово взял представитель совнаркома.

- Товарищи! Гражданин Певзнер перешел все границы. Это не случайно оброненная фраза. Как вы слышали, он и раньше выступал против партии и советской власти. Такие люди как Фридрих Певзнер мешают строительству счастливой жизни. Вот вам пример врага народа в рабочей блузе. Таким людям нет место в наших рядах.

Меня выгнали с работы, и устроиться в Минске на работу я уже не смог. Положение было очень тяжелым. Моя семья, в том числе малолетние дети были на грани голода. Один начальник цеха сжалился надо мной и дал мне записку к своему знакомому, который работал в Ленинграде. С помощью этой записки я устроился в типографию в Сестрорецке. Жил там же среди бумажных груд. Жена и маленькие дети остались в Минске без карточек и фактически без средств к существованию. То время пока я устраивался на работу, они голодали. В Ленинграде зарабатывал больше, чем в Минске. Деньги и хлеб

отправлял для семьи через вагоновожатых или со знакомыми.

Когда началась паспортизация, паспорт мне не выдали, так как я не был постоянным жителем Ленинграда. Пришлось оставить город. С помощью бывшего жителя Рогачева я устроился в типографию в Лычковском районе Ленинградской области. На мое счастье там работали одни пьяницы. Когда они были в запое, я выполнял их работу и естественно получал их паек. А так как пили они много и часто, то это было большим подспорьем для моей семьи. Их хлеб я отправлял в Минск.

В 1934 году я возвратился в Минск. Мне удалось устроиться в типографию школы офицеров имени Калинина. В свободное от работы время я был мобилизован для обучения призывников. Но когда на работе узнали о моем прошлом, меня отстранили от общественной работы, а после убийства Кирова уволили с работы вообще. На этот раз в Минске я работу даже и не искал. Мне следовало уехать на время, чтобы улеглись политические страсти, чтобы обо мне забыли. Я уехал в городок Толочин, проработал там полгода, пока и туда не дошли слухи о моем прошлом. И снова меня уволили, как врага народа. А я, несмотря на то, что жил, как загнанный зверь, никаких претензий к власти не имел. Верил, что страна идет в правильном направлении. Мне казалось, что череда моих личных невезений обусловлена недопониманием, перестраховкой и недобросовестностью людей, с которыми столкнула меня судьба. Я случайно попал в волчью яму. Карабкаюсь, карабкаюсь, а как только вылезу к краю, тут же меня сталкивают вниз. Будто на лбу у меня написано – «зверь». Теперь я все вижу другими глазами. Понимаю, что сам был во многом виноват, не перед властью, ни перед людьми – перед собой и моей семьей. Я так верил в идею коммунизма, что потерял разум. Лозунги партии для меня были святы, как в свое время текст Торы.

Я возвратился в Минск. Устроился работать в типографию «Красный

печатник». Там работали старые хозяйчики: медленно и невозмутимо. Ах, эти мудрые евреи. А тогда я думал, что они хитрые. Я то, работал быстро. Хотелось, и заработать больше, и показать пример ударного труда. Как было обидно, что получали все поровну. Я обратился к наборщикам с призывом работать более споро. На это мне возразили.

- Если мы будем работать быстрее, то через некоторое время начальство будет требовать ударный труд за те же деньги. Успокойся Фридрих!

Я возмутился и на профсоюзном собрании высказал все, что я думаю о работе в типографии и назвал это саботажем. Меня уволили в очередной раз. Можете себе представить, в каком состоянии я находился. «Господи, помоги!» – повторял я себе. И вдруг мне пришла мысль, что единственный человек, кто может мне помочь – это Сталин. В письме к Генеральному Секретарю Коммунистической партии я подробно описал ситуацию и просил вмешаться. Приблизительно через неделю меня вызвал к себе секретарь горкома партии Ходасевич. Он сухо сказал, что получено указание из Москвы, восстановить меня на прежнем месте.

- Мы уже дали указание директору типографии. Вы можете приступить к работе, - сказал работник горкома.

Я возвратился на работу победителем и не скрывал, что написал письмо самому Сталину. Меня приняли на работу, но не на прежнее место, а поставили к старой машине. Ее суставы стучали и дрожали так, что могли испугать неискушенного человека. Немудрено, что она вскоре сломалась.

Внештатный сотрудник

В это же время, а на дворе уже был 1936 год, меня вызвали в министерство государственной безопасности (МГБ). Принял меня

приветливый человек среднего возраста. Он справился, как идут дела на работе, как здоровье жены и детей. А затем стал рассказывать всю историю моей жизни. Напомнил и участие в подпольной организации зиновьевцев, и осквернение социалистической действительности, и критику работы МОПРа, и конфликты на работе, которые по его выражению были не что иное, как противодействие политике партии и правительства.

- Я задам тебе вопрос и хочу получить конкретный ответ, - завершил монолог мой собеседник, - Ты за или против Советской власти?

К этому времени я уже знал, что значит быть "против". Это означало попасть в лагерь, оставить семью без средств к существованию. Да собственно я и не был "против". Потерялся в своих приоритетах. Мне хотелось спокойно работать и растить детей.

- Я никогда не участвовал в антипартийных организациях. Случайно попал на их сборище и об этом честно рассказал на городском партийном собрании. Я стал сбивчиво защищаться.

- В душе я считаю себя членом партии и готов выполнять любую общественную нагрузку.

- Ладно, - устало сказал гэбист. – Мы тебе предлагаем доказать свою верность Советской власти. Согласен ли ты сотрудничать с нами и выполнять наши задания?

- Конечно, конечно! – Я ожидал самого худшего. Сразу же мое напряжение исчезло. Я не просто расслабился, я даже был горд, что мне доверяет такая всеильная структура, как МГБ.

Гэбист тоже облегченно закурил и подsunул мне уже подготовленный лист бумаги. Это была подписка, в которой я обещал выполнять задания и никому не рассказывать об этом. Внизу, где я должен был подписаться, была уже впечатана моя кличка – Шриффтшеллер.

Вышел я из этого опасного учреждения окрыленный. До этого дня чувство неуверенности в завтрашнем дне, и даже надвигающейся

опасности преследовало меня и днем и ночью. Под крылышком МГБ мне уже ничто не угрожало.

Спустя несколько недель после моего приобщения к государственной безопасности того секретаря горкома партии Ходасевича, при участии которого я был восстановлен на работе, объявили врагом народа. Вскоре после этого в республиканской газете «Звезда» появилась большая статья, в которой все этапы моей послереволюционной судьбы рассматривались, как доказательства того, что я ставленник Ходасевича и настоящий враг народа. Автор статьи писал, что он совершенно не удивлен, что сломалась доверенная мне народом машина. Статья была, конечно, подписана псевдонимом, но я предполагаю, что она была написана неким Ботвинником. Для другого человека такая известность имела бы роковой характер. Подобно тому, как если бы его впахнули в клетку со львом. Его судьба предreshена. Вопрос был только в том, сколько времени еще осталось мучиться. Встречные знакомые на меня смотрели кто с презрением, а кто и с сочувствием. Я лишь ухмылялся про себя. До сих пор, я не знаю, была ли эта статья состряпана органами для создания определенной легенды. Резон был. Но может быть, нашелся неугомонный партиец, каким когда-то был я?

Немудрено, что после выхода той статьи, меня сняли с работы и устроиться в Минске я уже не смог. Я решил поехать в Клинцы, где работал в 1924 году. Сосед по квартире, бывший бундовец, дал мне записку к своим знакомым, чтобы помогли мне устроиться на работу. Перед дорогой в Клинцы с котомкой за плечами, которую собрала жена, я зашел в органы, как это было предусмотрено в случае изменения места жительства. Меня задержали, посадили в отдельную будку, а на следующий день привели к следователю.

- Товарищ Певзнер, мы задержали политэмигрантов из Польши. Некоторые из них присоединились к нашим войскам в гражданскую войну при отступлении первой конной армии из-под Варшавы.

Возможно, что и в последующие годы к нам засылались польские разведчики. Нам известно, что среди иммигрантов есть шпионы Пилсудского. Они посланы к нам для проведения подрывной работы. Ты должен разговариваться с ними, узнать, как каждый из них перешел границу, какое отношение имеет к польскому государству и Пилсудскому.

Маршал Пилсудский в то время был премьер министром Польши. А я стал подсадной уткой. Меня бросили в камеру, куда как раз на следующий день после моего обращения в МГБ посадили массу народа. В одну ночь вся тюрьма была заполнена бывшими политэмигрантами из Польши. Поступления продолжались и в следующие несколько ночей. Тюрьма была переполнена. Все они и бывшие революционеры, и сочувствующие русской революции давно акклиматизировались в Минске. В основном это были евреи. Большинство из них занимали в республике большие должности. Там были директор кирпичного завода Меламед, сотрудник еврейской газеты «Октябрь» – Левите, литературный критик Дамесек и многие другие. И не одна сотня. Среди брошенных в тюрьму в первые дни я встретил только одного белоруса. Он чинил в польском посольстве радиоприемник, и его обвинили в том, что он передал врагам государственные секреты. Под пытками арестованные сами признавались во всем. Вернувшиеся с допросов рассказывали, как их пытали. Заставляли сесть на ножку перевернутой табуретки. Следователи сменялись, а допрашиваемый продолжал сидеть до изнеможения. Почти каждый день на допрос вызывали меня. Передо мной ставили тарелку с ветчиной и апельсины. Я ел и пересказывал сведения, почерпнутые в камере. В них не было ничего криминального. Разные истории из личной жизни, страхи и сомнения. Видимо для следователей они были важны, дабы показать, что от них ничего не скроешь. Органы, мол, знают значительно больше, чем ты можешь предположить. Таким образом, подавляли психику

арестованных.

Возможно, ты сейчас осуждаешь меня. Не торопись! Представь себя на моем месте. На мне висел ярлык врага народа. Такие как я, попав в жернова МГБ, из заключения не возвращались. Их жены направлялись в лагерь, а дети в особые детские дома. И это в лучшем случае. Отказ сотрудничать с МГБ был равносителен самоубийству и уничтожению семьи. Ты бы смог оказаться таким героем? А-а-а-а?

Спустя некоторое время был арестован еще один белорус. Некий Василевский, который проживал по Лодочной улице 4. В свое время он служил техником на КВЖД. Мне дали задание подружиться с ним. Я ему рассказывал о своих мытарствах, а он о своей жизни, в том числе о работе на КВЖД.

- В свободное время, - рассказывал он, - технические работники строительства часто посещали увеселительные заведения. Я облюбовал одну чайхану. Вечерами приходил туда выпить пива, послушать пластинки.

- А компания была ничего? – спросил я.

- У меня не было постоянных приятелей. Бывало, что и наши заглядывали туда. А так в основном, был народ местный. Редко заходили китайцы и японцы.

- Ты знаешь иностранные языки? Можешь общаться с иностранцами? – допытывался я.

- В тех местах языком общения был русский язык.

- Не скажи! Чтобы японец знал русский язык, он должен длительное время провести в России.

- Говорю тебе, - раздраженно пресек меня Василевский, - сам сидел с японцами за одним столом. Беседовали про жизнь. Не было проблем с языком. Да, они даже читали хорошо по-русски. Развернули на столе карту и читали свободно названия по-русски.

- Спрашивали, что-нибудь у тебя, или все слова знали сами? – спросил

я.

- Кое-что спросили, как называется, да где находится? Разве упомнишь? Давно дело было. Не бреди душу. Следователи тоже пристали с этими японцами. Неужели это имеет какое-нибудь значение?

Хочу вам сказать, что для него это не имело значения. Судьба арестованных была одинаковой. Из тюрьмы, в которой я провел два месяца, был освобожден только я один. Страшная участь постигла многих уже в тюрьме. Люди умирали от антисанитарии, неимоверной скученности и пыток. Только через восемнадцать лет, уже при Хрущеве, встретил я некоторых реабилитированных, со страхом глядя в их глаза. О том, как они прожили то время, я прочитал в воспоминаниях бывшего начальника военной школы Конюхова, который давал читать дневник своим друзьям. В нем рассказывалось, как в лагерях целыми партиями расстреливались политзаключенные. Многие умирали от истощения и болезней. Повезло сильным, а также портным и сапожникам. Они обшивали лагерное начальство, за что им была дарована жизнь. Судя по дневнику, в тридцатых годах положение в лагерях было значительно хуже, по сравнению с послевоенным периодом, который описал Солженицын в книге «Один день Ивана Денисовича».

Во время моего пребывания в тюрьме моя жена получила от меня из Клинцов 100 рублей, которые ей принес почтальон. Когда же я вышел из тюрьмы, мне выдали пятьсот рублей в секретно-политическом отделе министерства государственной безопасности. Мой сосед, который дал мне записку в Клинцы, был арестован, как бывший бундовец. Он был негодным свидетелем, который мог узнать от своих знакомых, что я в Клинцах так и не появился. К тому времени уже не имело значения, что левый БУНД в 1920 году влился в большевистскую партию. В 1937 году всех бундовцев постигла одинаковая участь. В том числе были арестованы член Коминтерна Эстер Фрумкина, редактор издательства «Дер Эмес» (Правда) Литвтинов и многие другие.

Устроиться по специальности я уже не мог. Пришлось устроиться продавцом в пивной ларек. Зарабатывал не плохо. Кое-что даже смог откладывать. Выполнял задания МГБ. В политической жизни Белоруссии бесовским образом чередовались фамилии руководителей. Секретарь центрального комитета партии Червяков покончил жизнь самоубийством, Кнорин, который слыл теоретиком партии и написал книгу по истории партии, был репрессирован. Из Москвы был прислан Криницкий – и его забрали. Гамарник, который был начальником политического управления Красной Армии, покончил с собой. Забрали Гея и других – всех фамилий и не вспомнить. Последним перед войной секретарем центрального комитета Белоруссии бы Паномаренко.

Сейчас невозможно передать настроение общества того периода. Не могу достоверно рассказать, о чем думали люди. Они боялись повернуть язык во рту. Кто по недомыслию или, тем более сознательно, высказывал неординарную мысль, уже никогда не мог делиться своими мыслями. В обществе остались молчаливые философы. Когда мой брат приезжал в Минск на учебу, он боялся приходить ко мне в гости, хотя не знал, что я сотрудничаю с МГБ. У меня был единственный друг, мой двоюродный брат Туркин. Он узнал о моей связи с МГБ уже после войны.

Мы не чувствовали никакого антисемитизма. Возможно потому, что исчезали из общественной жизни не только евреи. У белорусов, кроме общих обвинений была особая статья. Их громили за национализм, приписывая ярлык нацдемовщины, то есть национального демократизма. Так, например, пострадал первый директор института культуры (Белинкульта) Игнатовский. Исчезли некоторые белорусские писатели. А то, что были ликвидированы еврейские школы, объяснялось очень просто. Эти школы и техникумы не давали необходимой подготовки в ВУЗы страны и поэтому большинство родителей не хотели давать детям еврейского образования. В Минске еще существовал

еврейский театр, который занимал помещение бывшей синагоги. Только после войны он был превращен в русский театр.

Шестнадцатого сентября 1939 года меня призвали в армию, и уже через день я освобождал наших рабочих братьев в Западной Белоруссии. Мы не встретили никакого сопротивления. Ходили слухи, что какой-то польский солдат стрелял с балкона из винтовки по нашим воинам. Но это либо были пустые слухи, либо речь шла о сумасшедшем. А вот пленных поляков, в самом деле, было много. В Белостоке начальник типографии взял меня к себе на службу. Там работали поляки, которые, молча, выполняли наши приказания. Какие чувства они испытывали к освободителям, нас тогда не интересовало. Сейчас, анализируя события тех дней, я думаю, что приходу Красной Армии были определено рады только евреи. На протяжении последнего года они находились в напряженном ожидании катастрофы, так как антисемитская Германия выступала с постоянными претензиями к Польше. Может быть, была довольна также и некоторая часть безземельного крестьянства.

Магазины оккупированной территории были полны всякого добра. Контраст с пустыми советскими магазинами поражал. Можно было купить все, что душе угодно. Разбегались глаза. Я купил часы, кусок драпа и женские чулки. Все вещи были исключительно красивые, но оказалось, что отрез и чулки слишком долго лежали в магазине и поэтому вскоре после приобретения расплзлись. «Это тебе от гнилой буржуазии» – сказала моя жена. Пользуясь тем, что польское население не знало советских денег, некоторые военнослужащие покупали вещи и продукты на обесцененные облигации. По войскам был издан приказ, в котором за такое поведение назначалась высшая мера наказания.

Миф о том, что захваченная часть Польши якобы населена белорусами и таким образом является Западной Беларусью, широко распространялся как внутри, так и за пределами СССР. Кинохроника

была полна сценами радостной встречи, которую якобы устраивали освобожденные белорусы для воинов Красной Армии. Правда выглядела иначе. У забитых крестьян, не знающих русского языка, забирали документы, в которых они были записаны поляками, и выдавали советские паспорта, в которых они уже были белорусами. А они, как правило, не могли читать ни по-польски, ни по-русски.

Вскоре мы устроили в Западной Белоруссии «демократические» выборы. Все солдаты и офицеры Красной Армии участвовали в этом, так называемом, всенародном празднике. В это время я уже не верил в революционные идеалы и правоту власти.

После демобилизации я снова работал в пивном ларьке. В это время из МГБ ко мне приходили Фарберов или Бетхер. Я им рассказывал о подслушанных разговорах.

Проснулся антисемитизм

И войну я встретил за стойкой. Немецкие ассы массировано бомбили Минск. Сборы были не долгие. Уже 24 июня всей семьей мы ушли до Михновичей, что в десяти километрах от города. Там сели на поезд и доехали до Могилева. Оттуда мы хотели добраться до Рогачева, но встречные люди нас предупредили, что там уже немцы. Мы снова сели в поезд и медленно доехали до Саратовской области. Оттуда я и был призван в армию.

Моя служба начиналась с рытья окопов под Сталинградом. После нескольких месяцев голодной эвакуации я был ослаблен. Был я ростом мал, и с костью тонкой. Рытье затрудняла схваченная морозом земля. Мой окоп продвигался значительно хуже, чем у сильных и не измотанных голодом соседей. Ко мне подошел лейтенант и, ткнув ногой в грудь, сказал: «Что ленишься, жидовская морда?» Сердце оборвалось в груди, и на щеках невольно появились слезы. Аналогичные эпизоды во

время войны повторялись не раз, но этот первый запомнился на всю жизнь.

Мы готовили оборону Сталинграда. Рыли окопы, строили блиндажи, устанавливали связь. Как-то мне, как младшему командиру, пришлось наказать нарядом вне очереди рядового солдата. Не знал, что он затаил обиду. Когда мы ехали на возе с сеном для блиндажей, он столкнул меня с воза и сказал: «Мы еще встретимся с тобой в окопах, жидовская морда». Он был в два раза крупнее меня. Что делать? Когда я пожаловался политруку, тот ответил, что не перед боями решать нам эти взаимоотношения.

В боях под Сталинградом я руководил пулеметным расчетом. Не передать вам ужас войны. А ведь больше запомнились случаи тяжелого оскорбления. Во время одного из боев я был тяжело ранен. Полностью был поврежден седалищный нерв. Я не уверен, что это было делом рук того рядового, хотя стреляли то со спины. А если это и так, то я ему благодарен. Он спас мне жизнь.

После войны, будучи инвалидом, я с семьей возвратился в Минск. Устроился в доме правительства наборщиком. В 1946 году ко мне на работу пришли два незнакомца. Показали мне все документы по сотрудничеству с МГБ, велели написать биографию и сделать фотокарточку. Все началось сначала.

В первое время задания комитета государственной безопасности (КГБ) касались в основном поведения разных людей в период оккупации. Меня направляли, как правило, к евреям вне моей работы. Иногда посылали в командировку в другие города: Витебск, Гомель, Бобруйск, Рогачев. По следам старых сионистских организаций меня направляли в Ленинград. Их интересовали старые члены партии, которые находились «под колпаком». Я должен был выяснить в первую очередь, не состояли ли субъект в троцкистской организации, не высказывает ли он меньшевистские или бундовские взгляды. В пятидесятых годах, когда

отношения между СССР и Израилем испортились, КГБ интересовало наличие сионистских взглядов. Это означало не только стремление попасть в Израиль, но и одобрение политики сионистского государства. Сионизмом также нарекли националистические тенденции, стремление к изучению еврейской культуры. Я думаю, что большинство евреев благосклонно относилось к Израилю. Но народ был битым и только очень неосторожные делились своими мыслями. Страх был такой, что люди сжигали книги на еврейском языке. Некоторые люди, с которыми мне пришлось встретиться, пострадали. Но по сравнению с довоенным периодом была существенная разница. До войны, например, все люди, с которыми я по заданию контактировал, исчезли независимо от тех фактов, которые я смог у них выведать. Их было очень много, и большинство фамилий я не помню. Так, после выполнения мной задания забрали строителя Певзнера, который строил дом печати. Из тюрьмы его освободили немцы. Но он погиб в гетто. Также по заданию я познакомился с чернорабочим Гольдбергом. Он очень ко мне привязался и стал ходить в гости. Его забрали, и с тех пор я больше его не встречал. До войны я чувствовал себя наживкой, на которую ловят людей, судьба которых уже решена. Информация, которую добывал я, не имела существенного значения. Эта мысль помогала мне бороться с угрызениями совести.

После войны знакомство со мной уже не было столь фатальным, тем более что и люди стали осторожнее. Я помню, что в разработке КГБ был Розман, который в 17-м году, будучи членом большевистской партии, находился в охране Ленина. После войны он работал председателем профкома в типографии академии наук и был заведующим производством. Он продолжал работать и после встречи со мной. В органах все время настаивали, чтобы я познакомился с заместителем председателя горсовета Кажданом Израилем Борисовичем. Я старался отбояриться, так как вследствие своего статуса он был недоступен для

меня. К счастью, наше знакомство так и не состоялось.

Каждую неделю я приходил с отчетом на конспиративную квартиру, которая находилась на Ленинском проспекте. Там я встречался с разными работниками КГБ, но евреев после войны среди них уже не было. Помню полковника Алексея Александровича Внучкова. Как-то он в доверительной беседе рассказывал, как в 1948 году наводил порядок в Чехословакии. Часто встречал на улицах Минска уже вышедшего на пенсию подполковника Загорулько. В послевоенные годы он с гордостью рассказывал мне, что КГБ уничтожил сорок тысяч троцкистов. А почему был горд? Потому, что участвовал в этом. Со многими я встречался, но трудно сейчас вспомнить их фамилии.

В те времена служба в комитете государственной безопасности считалась не то, чтобы геройской, но престижной. Штатные работники комитета получали приличную зарплату, продвигались по службе, получали дополнительные звездочки. Про них складывались песни. Сейчас известно, что эта служба уничтожила несколько миллионов невинных людей. А сколько покалеченных судеб? Но никто, кроме Берия и его самых близких приближенных не пострадал за это. Разве, что только я, самая мелкая сошка, принужденная этой организацией к предательству, страдаю от собственного презрения. Но больше оправдываться я не буду. Каждый в этом мире играл свою роль. А моя роль уже на исходе.

В 1952 году я опоздал с обеденного перерыва на рабочее место более чем на полчаса. Это было время драконовских законов. За такое опоздание на работу можно было поплатиться не только местом, но и свободой. Один мой знакомый работник картографической фабрики с высшим образованием элементарно проспал и явился на работу с опозданием на 1 час. Директор фабрики, его однокашник и друг, сказал, что ничем не может помочь. Чтобы избежать суда, проштрафившийся по совету товарища сбежал в Москву, где был принят на работу другим

одноклассником. Когда директор типографии вызвал меня для объяснений, я на минуту почувствовал себя штатным сотрудником КГБ и гордо отказался идти к нему на поклон. В результате я вновь был уволен. Но вмешалось управление министерства, и меня восстановили в должности. Однако на работе создали такие условия, что я был вынужден уйти по собственному желанию. С тех пор, в течение двух лет я был безработным. Лишь по несколько месяцев в году я работал в торговле, продавал квас и... Выполнял задания КГБ. За это получал единовременные пособия от 300 до 500 рублей, что представляло собой средний месячный оклад. Жене приходилось работать на двух работах.

Страх и угрызения совести

Однажды я встретил на улице человека, с которым сидел в подвале КГБ в 1936 году. Его звали Давидом. Был он с палочкой и сильно хромал. Вы понимаете, что я не разделял ту горячую радость, с какой он бросился ко мне.

- А, Фридрих, здравствуй, здравствуй! Как дела? Где тебя носило? – Он взял подмышку свою палку и до боли сжал мою руку в своих железных ручищах.

- Слава Богу, жив. А ты как? – спросил я. – Что-то давно тебя не было видно.

- Не говори! Я ведь тогда получил двадцать пять лет. Нашли польского шпиона. Несколько месяцев как меня реабилитировали. Повидал много лагерей. И лес рубил и дорогу строил. Отморозил ногу. Теперь видишь, без ноги. Отрезали ступню. А сколько наших погибло, не передать!

- Я вот тоже был ранен в ногу под Сталинградом. – Не задумываясь, вставил я.

- Как? Тебя освободили? По какой статье ты проходил? – Он глядел на меня с таким удивлением, как будто увидел во мне печать смерти. –

- Меня выпустили еще до войны.

Я стал подбирать выражения, и видимо замешкался. В голове моей пролетела мысль, что он легко может узнать, где я находился до войны. Ведь я светился везде и по разным поводам. А он вдруг покраснел, развернулся и захромал прочь.

С тех пор у меня не было покоя ни днем, ни ночью. На улице я почти постоянно слышал стук его костыля. Обернусь резко – никого нет, но, кажется, кто-то нырнул в подворотню или спрятался за углом. Ночью мне снились разные кошмары. Я просыпался в холодном поту и подходил к окну. Какие-то тени передвигались в нашем дворе. Я уговаривал себя, что даже если Давид догадается о моей роли в тюрьме, он ничего не сможет сделать. Человек, вышедший из лагеря, не посмеет рисковать свободой еще раз. Однако тревожное состояние не спадало. Жизнь моя превратилась в ад. Чашу терпения переполнила внезапная встреча с ним на проспекте Сталина. Он встал передо мной, выпятив грудь и растопырив руки с палкой, чтобы я не смог обойти его, и не, говоря ни слова, плюнул мне в лицо. На следующей конспиративной встрече я все рассказал подполковнику Загорулько. Только после этого ко мне возвратилось душевное равновесие.

В 1956 году я дал взятку в размере 200 рублей мастеру Лифшицу, редкому среди евреев пьянице. Он устроил меня наборщиком в типографию на толевом заводе. В 1958 году я оттуда ушел на пенсию и тогда же меня оставил в покое вездесущий КГБ.

Из встреч со своими родственниками из Рогачева, которые иногда приезжали в Минск, я знал, что все рогачевские евреи, которым не удалось уехать в эвакуацию или уйти в партизаны, погибли во время оккупации. Даже те несколько человек, которых русские соседи прятали в погребах, также были выданы немцам. Впервые после окончания войны у меня появилось время, чтобы съездить в Рогачев и узнать

подробности о судьбе родных. И вот я снова в этом небольшом, но очень красивом, чистом и зеленом городе. В годы моей юности Днепр был судоходной рекой. Между Рогачевом и Сверженью курсировали пароходы. Ежедневно проплывали грузовые баржи. Постепенно на моих глазах река обмелела. Особенно это было заметно в одном месте, которое с одной стороны называлась "головкой", а с другой "гусиным пляжем". После войны курсирование пароходов прекратилось вообще.

То, что я узнал о моих близких – это рассказы людей, которые возможно были заинтересованы в сокрытии истины. Некоторые из них или их родственники принимали участие в ликвидации евреев. Нет, слово "ликвидация" из-за частого употребления имеет какую-то статистическую характеристику. Они участвовали в убийствах ни в чем не повинных людей, независимо от пола и возраста.

Когда в городе пронесся слух, что немцы подходят к Рогачеву, началась паника и многие земляки стали уходить из города. Кто пешком, а кто на подводе. Кто с пожитками, а кто налегке. Дочери Мендела, которые добрались в Рогачев из пылающего Минска, первыми уехали с соседями на лошади. Они шли рядом с телегой, на которой лежали их пожитки. Когда они дошли до Журавичей их догнал Мендел. Он принес два куска мыла, кусок сала и деньги. Пока Фаня ждала его в Рогачеве, он ждал ее в Журавичах. Они не могли уехать друг без друга. Так они остались на оккупированной территории. Мендела убили в самом начале войны. Когда группу евреев вели под конвоем, он заупрямился, не хотел идти дальше, и его застрелил конвоир рогачевец Пацевич. Его сына Яшу и маму расстреляли в здании бывшего реального училища. Пятилетнюю дочку Розочку забрали у Фани. Кто-то говорил, что она после этого сошла с ума. Трудно представить, что пережила она за последний период своей жизни. Ее расстреляли во рву в ноябрьские праздники 1941 года. Из семьи Мендела в живых осталась только дочь

Фрума. Но вот еще одна история, которую мне рассказала Фрума уже в конце семидесятых.

Во 2-ой клинической больнице Минска, где Фрума работала профпатологом, она обратила внимание на клиническую лаборантку. Рая была удивительно похожа на ее старшую сестру Клару, которая умерла от тифа во время войны. Даже родинка на правой щеке была точно такой, как у Клары и Розочки. Она стала интересоваться ее происхождением. Оказалось, что Рая родом из-под Рогачева и родители у нее не родные, а взяли ее на воспитание. Когда Фрума узнала все эти подробности от рогачевских родственников, она напрямую сказала ей, что у нее есть подозрение, что Рая ее сестра. Сначала та отрицала такую возможность, но когда Фрума вновь возвратилась к этой теме, она ответила: - Пусть даже так, но это уже ничего не может изменить. - Насильно мил не будешь. Видимо ей не прельщала мысль вдруг оказаться еврейкой.

- Вот и все. Остальное ты знаешь. Нина очень больна. Но мне помогают ухаживать за ней дети. Я ими горжусь. Семен инженер, а Белла редактор. У меня уже большие внуки. Передай Семену твои записи, когда меня уже не будет. Видимо, тебе не долго придется ждать.

Он попросил разрешения опорожнить бутылочку, в которую моча через трубочку вытекала из мочевого пузыря.

Маленький старик с отвисшей, выступающей вперед нижней челюстью, слезящимися глазами и запахом мочи – он не вызывал у меня отвращения. Мне было его жаль. Таких как он были тысячи тысяч. И на работе у меня был такой. Я ненавидел тех гладковыбритых, по-армейски подтянутых с двойным подбородком служивых, малограмотных людей, которые ввергли в средневековые огромную страну. А этот? Он сам пострадавший.

Как бежит время! Уже давно нет в живых Лазаря, умер Фридрих, ушел из жизни Давид. Давно не рассказывает скабрзные анекдоты Геня.

Наступил 21-й век, когда я встретил еще одного человека удивительной судьбы.

Глава III. Рыжий

Я познакомился с ним как врач с пациентом. Он лежал на койке с высокой температурой. Второй житель этой комнаты услужливо подал мне стул и выключил телевизор. Слово за слово Давид стал рассказывать о своей жизни. Рассказ оказался настолько удивительным, что возникло сомнение в его правдивости. Позднее из бесед с коллегами и, прочтя историю болезни, я убедился в его достоверности. В гериатрическом центре его называли просто «джинжи», то есть «рыжий». Он с подругой разносил газеты сотрудникам и постоянным жителям. Несколько раз я видел, как они ухаживали за женщиной, прикованной к коляске.

- Джинжи, это твоя родственница? – спросил я.

- Нет, - ответил он, - я отдаю долги.

Однажды я сел рядом с ним в холле и снова стал расспрашивать о его прошлом. Оказалось, что он недавно прилетел из Штатов, где живет его сын, профессор университета, дочь инженер и больная жена. Сын предлагал ему остаться жить у него, но Давид отказался. В 2002 году на семидесятом году жизни мой знакомый умер после тяжелой и продолжительной болезни. Дети не смогли приехать на похороны. На его счету в банке лежало семьдесят тысяч шекелей. Их он собрал, откладывая подарки детей и ежемесячное пособие. По решению сына пятьдесят тысяч шекелей были переданы гериатрическому центру на покупку медицинской аппаратуры. Вот, что мне рассказал джинди.

У меня была обычная, довольно счастливая семья. Подрастал сын, а жена была беременна вторым ребенком. Я занимал должность главного инженера пищевого комбината в городе Коростель на Украине. Дела на производстве шли успешно. С директором завода у меня сложились ровные взаимоотношения. Все проблемы производственного плана

решались без напряжения. И в семье был мир. Она была обеспечена. Так бы и прожил бы я до пенсии, если бы не случай на охоте.

Директор предприятия был типичным номенклатурным работником. Он вошел в руководители, плавно передвигаясь сначала по комсомольской, а затем по партийной линии. В круг его общения входили члены местной партийной и хозяйственной элиты. Я с ними был знаком коротко по встречам на общегородских партийных конференциях и хозяйственных активах. А директор комбината парился с ними, общался на рыбалке и охоте. Такое общение было не только интересным, но и очень полезным, чтобы держать нос востро, иметь перспективу и, не дай Бог, не выскочить из обоймы. Самым лучшим другом у Ивана Дмитриевича был прокурор района. Как говорил мой начальник: - «Много водки мы с ним выпили». Так вот после охоты в 1959 году все между ними и разладилось. С кем и на кого они охотились, сейчас и сказать трудно. Только разъехались они домой лютыми врагами. Мало того, что они перестали общаться. Вдруг, откуда ни возьмись, в прокуратуре появилась анонимная жалоба на хищение продуктов на нашем комбинате. К нам зачастили разные комиссии, в том числе и из прокуратуры. Я был уверен, что ничего компрометирующего они не найдут. Потому что ничего и не было. Однако, в результате подтасовки фактов, якобы выплыла растрата в очень больших размерах. Я был арестован в числе большой группы сотрудников комбината. На допросах следователь неоднократно предлагал донести на директора. Но мне нечего было сказать.

- Ах, так! – на одном из допросов сквозь зубы процедил он. – Значит ты во всем и виноват. Я тебе дал возможность выбора. Либо ты, либо он. Миллион рублей, это тебе не шуточки. Ты знаешь, чем это тебе грозит? Я догадывался. - " Вот вы на меня косо посмотрели, - обратился ко мне Давид, - возможно, подумали, что не без греха этот рыжий. Может быть, что-то да было? Хоть какая-то зацепка? Я Вам скажу, что, может быть, и

было, но, во-первых, я к этому не имел никакого отношения, а, во-вторых, мы производили варенья, конфитюр, соки и другие виды консервов. Украсть продукции на миллион рублей было просто невозможно". - Он это сказал твердо, с надрывом. И продолжал. – Все это был фарс: и расследование, и суд. Осудили троих: директора, главного бухгалтера и меня. Нас приговорили к высшей мере, то есть к смертной казни.

Невозможно передать те переживания, которыми была заполнена жизнь в камере смертников. Мои мысли приносили мне страдания до ощущения физической боли в груди. С детства жизнь моя была преодолением трудностей на грани возможного. И только она начала налаживаться, как ее решили отнять у меня вообще.

Типичная история

Я родился в 1931 году в городе Коростень на Украине. Это был крупный железнодорожный узел на пути из Киева на север страны. Мой отец, Израиль Гиннес, был председателем артели по пошиву одежды. В 1933 году по доносу какого-то «доброжелателя» его осудили как врага народа и отправили в Сибирь отбывать десятилетний срок. В то же время был осужден и расстрелян его брат Соломон. По какому-то недоразумению весть о смертной казни пришла в наш дом. Мама решила, что расстреляли папу. От горя она умерла, как говорили потом родственники «от разрыва сердца». А я в возрасте двух лет, и две мои старшие сестры остались сиротами в отчем доме. Горсовет выставил наш дом на торги. Долго никто не решался на покупку, потому что люди очень уважали отца и не хотели изгнать его детей в казенный детский дом. Наконец, дом купил еврей Фельдман, который работал завхозом в школе. Мне запомнилась его большая черная борода. Он разделил дом по коридору на две части. В одной он жил сам с женой и тремя детьми, а

другую половину, включающую спальню, столовую и кухню оставил нам. Меня на некоторое время забрала к себе мамина сестра. А моим сестрам материально помогали другие родственники. Когда старшей сестре Бине исполнилось четырнадцать лет, она прошла шестимесячные курсы и начала работать учительницей начальных классов в еврейской школе в пригороде Номеровка. Каждый день она ходила пешком семь километров туда и столько же назад. В шестнадцать лет она вышла замуж и забрала меня к себе. Вскоре у нее появились собственные дети. Сестра с мужем работали с утра допоздна, чтобы прокормить семью. И туго бы нам пришлось, если бы не огород. Улица и друзья украсили мое детство.

Мужа Бины мобилизовали в первые дни войны. Я не прекращал встречаться с друзьями. Мы воспринимали войну, как очень интересное событие. Она возбуждала наше воображение. Игры наши стали более захватывающими. Мы ведь знали, что наши вскоре разобьют немцев. Помню, как соседка, уходя со своей семьей из дому, крикнула мне:

- Передай сестре, что нечего ждать. Немцы идут.

Бина поздно спохватилась. Она успела взять лишь документы и одну подушку. И все же нам повезло, ведь мы, хотя и последним поездом, но уехали на восток от неминуемой гибели. Нашего хозяина Фельдмана незадолго до войны разбил паралич. Когда немцы подходили к нашим местам, его жена с детьми эвакуировалась. Забрать мужа она не могла. Еще до прихода немцев его убили местные жители, когда грабили оставленные евреями дома.

Сначала мы эвакуировались в Астрахань и жили прямо на берегу Волги. А когда немцы подошли к Сталинграду, переехали в глубинку Марийской АССР, где-то в пятидесяти километрах от Йошкар-Олы. Бина устроилась работать в детском доме, и там приютили всех детей. Это помогло нам выжить. Но именно там мы узнали, что такое голод. Нам выдавали по двести граммов хлеба в день, а суп варили из крапивы.

Кончилась война. И наш отец должен был вскоре выйти на свободу. Я мечтал найти его адрес, встретиться с ним. Но наш дом был разорен. Единственный место, куда мог обратиться папа, была мамина сестра, которая проживала в Москве. Ее муж в начале тридцатых годов работал секретарем у Когановича, но был репрессирован и расстрелян. У нас сохранился московский адрес его жены, у которой было двое детей.

В 1945 году моего друга нашла мать. Она приехала в детский дом с подарками. Оба счастливые, они гуляли за оградой нашей обители. И хотя мне перепало несколько конфет, я загрустил пуще прежнего. Грустил, потому что я не знал ни отца, ни матери и приходилось расстаться с другом - самым близким в ту пору мне человеком. Мой друг тоже переживал. Он уговорил маму взять меня с собой. И я, без разрешения начальства сбежал, уехал вместе с ними в Москву. Об этом знала только моя старшая сестра.

В четырнадцать лет я устроился работать на московском заводе. Сначала учеником слесаря, а вскоре уже работал самостоятельно. Тетю свою я нашел, но жил в общежитии завода. Так началась моя трудовая деятельность. Однажды мне передали, чтобы я срочно явился в кабинет начальника цеха. Я сразу же поднялся на второй этаж, постучался в дверь. Начальник цеха и профорг завода смотрели на меня с каким-то непонятым удивлением. Это меня озадачило и испугало. Ничего хорошего от этого вызова я не ожидал. - "Неужели я что-то напортачил?" – мелькнуло у меня в голове. – Но ведь никто из непосредственного начальства ни словом не обмолвился. Я заметил, что все переводили свои взгляды с меня на незнакомого мужчину, сидевшего на стуле в углу кабинета, а затем снова на меня.

- Как твое отчество, Давид? - Спросил начальник цеха.

- Израилевич.

- Значит ты Гиннес Давид Израилевич?

- Да.

- А знаешь, как зовут того рыжего товарища? – указал он кивком головы на незнакомца. Я уже догадался, и радость жаром разлилась по моему телу. Мы бросились друг другу в объятия. У меня закружилась голова, и я чуть не потерял сознание. Отец поддержал меня. Я ушел с работы, и мы с ним бродили по Москве, рассказывая друг другу о своих злоключениях. Его освободили из лагеря, но он некоторое время должен был находиться на поселении. Папа устроился работать на швейном предприятии. А сейчас приехал в Москву за деталями для швейных машин. Ночью я проводил его на вокзал. Мы с ним планировали вскоре встретиться в родных местах.

Отец вернулся в Коростень в 1946 году. Затем вся семья переехала во Львов. Я окончил пищевой техникум и устроился техническим директором в винодельческое предприятие под Ужгородом. Бежали годы, я заочно закончил по своей специальности институт. Начальник склада оказался человеком нечестным. Сам не дурак выпить, он под пьяную руку устраивал для своих собутыльников дни открытых дверей. Выявилась недостача, и началось расследование. В это время в Коростене умерла тетя, и ее дом перешел нам в наследство. Так мы снова оказались в родном городе.

Я участвовал в создании пищевого комбината фактически на пустом месте. Мы выпускали джемы, конфитюры, варенья, соки, а также консервированные овощи и фрукты. В 1954 году я женился. Софа работала медсестрой. В 1955 году у нас родилась дочь. А сын родился, когда я уже сидел в тюрьме.

Чем еще можно занять время в камере? Переживаниями всех прошедших этапов жизни. Многократным разбором всех элементов следствия и суда. Да мечтами о будущем уже без меня. До меня доходили слухи, что родственники моих собратьев по несчастью ведут настоящую войну за наше освобождение. Но я не верил в успех. Какая там советская власть и хваленная наша демократия. Однако пока я

находился в камере смертников, адвокаты добились пересмотра дела, и для меня смертная казнь была заменена на тринадцать лет тюрьмы. Директор и главный бухгалтер вышли на волю значительно раньше меня, а я отсидел почти весь срок.

Мне оставалось сидеть меньше года, когда в нашу камеру вошел начальник тюрьмы и начал зачитывать постановление суда по моему делу. Я приготовился к самому худшему. Старался отвлечься, думать о другом. И вдруг я услышал: «Тебя освободят через несколько дней, когда будут готовы все документы». До меня не дошел смысл сказанного.

- Что Вы сказали? – переспросил я.

- Ты оправдан.

Болезнь

Мне стало плохо, я почувствовал слабость и упал. Начальник тюрьмы приказал поднять меня, но я не мог стоять, не мог двинуть рукой. Видел, как вокруг меня суетились люди, все понимал, но не мог выдать ни слова. Из тюрьмы я попал в районную больницу. Обследование и лечение в течение месяца не дало никаких результатов. Меня переправили в московский институт нейрохирургии имени Бурденко. У меня появилась надежда. Но быстро угасла. На одном из больших обходов, когда ординатор доложил мою историю болезни, профессор, обращаясь к окружающим мою кровать курсантам и медперсоналу отделения, сказал: «Этот больной безнадежен. – А затем обернулся к лечащему врачу, - Отправьте его в госпиталь по месту жительства».

Дома у меня наступила ремиссия. Хотя я и был слаб, но мог говорить и самостоятельно передвигаться. Мне была назначена мизерная пенсия. Зарплата жены была не намного больше. Дом был старым, и

крыша прохудилась. Денег катастрофически не хватало. По специальности с моими документами устроиться я уже не мог. Стал работать грузчиком в продуктовом магазине. Иногда перепадала подработка. Делал проекты для частных лиц за смешную плату. Но выбирать было не из чего. И помощи было ждать не откуда. Умерли отец и старшая сестра Бина. А средняя сестра Люся вскоре после моего ареста уехала с семьей в Израиль. Как только их семья встала на ноги, Люся прислала через посольство полторы тысячи рублей. Все деньги ушли на ремонт дома. Из-за болезни и недостатка денег возникли семейные неурядицы. С нами жила Софина мама, которая не только всегда держала сторону своей дочери, но и накручивала ее против меня. По-видимому, она стремилась нас развести. Обстановка была настолько тяжела, что иногда после работы не хотелось идти домой. Обедать я ходил в столовую, которая находилась рядом с нашим магазином. Сотрудники столовой видели, как меня изматывала работа, и старались мне помочь. Работница кухни Шура подбрасывала мне добавку к каждой порции.

Вдруг болезнь снова накатилась на меня. Я упал дома и не мог двинуться. Теща проходила мимо меня, не замечая моих страданий. Софа вызвала скорую помощь. Меня сначала отвезли в больницу, а затем переправили в психиатрическую лечебницу, так как жена отказалась взять меня домой. Прошли месяцы, прежде чем врачи выяснили, что я не соответствую их профилю. Чуть только я стал двигать конечностями, меня на носилках привезли домой. Но там меня никто не ждал. Через неделю, используя свои медицинские связи, жена устроила меня в дом престарелых.

В моей комнате растительную жизнь проживали шесть человек. Это были прикованные к кровати, парализованные или маразматические старики. Естественную нужду каждый делал под себя. В будние дни нас кормили не очень регулярно. Смерд стоял невыносимый.

Обслуживающий персонал не успевал менять простыни. А может быть, и нечем было их заменять. Не исключено, что им невыносимо было заходить в нашу палату. В воскресные дни к нам вообще никто не заходил. От преющих в испражнениях тел исходил такой тяжелый запах, что трудно было дышать. Почти все старики были бывшими заключенными. Только к одному из них и очень редко приходила дочь – сгорбленная старуха. А моя жена вычеркнула меня из своей жизни

Однажды меня навестила Шура. Она гладила меня по голове и плакала. Я плакал вместе с ней.

Представьте себе, эта простая русская, и очень бедная женщина, которая жила вместе с сыном, беспробудным пьяницей, взяла меня к себе. Она кормила меня и ухаживала за мной, как за своим ребенком. Когда я не мог помочиться, она лила воду из кружки в тазик, чтобы вызвать у меня ослабший рефлекс. Сестра Люся, зная о моей беде, посылала посылки из Израиля. Но получала их моя жена. Шура узнала адрес Люси и написала ей письмо. С тех пор Люся делала все, чтобы спасти меня. Она обратилась к израильским врачам, а те запросили выписку из моей истории болезни. В Израиль по непонятным причинам пришла лишь незначительная часть посланных документов. Трудно представить, чтобы органы КГБ нашли в выписке истории болезни секретные данные, но почему-то другие причины и на ум не приходят. Эту выписку Люся показала заведующему терапевтическим отделением больницы Шива. После того как он твердо сказал, что в Израиле меня поставят на ноги, сестра выслала мне вызов.

Можно себе представить какие трудности пришлось преодолеть Шуре, чтобы получить разрешение на мой выезд, собрать в дорогу, отвезти в Москву, и, наконец, посадить в самолет. Был жаркий август 1978 года. Меня, одетого в шерстяной костюм, с туго подвязанным галстуком Шура посадила в кресло. В кармашек пиджака она положила записку с адресом Люси в Израиле, а во внутренний карман все мои документы.

Соседа, который также ехал в Израиль на постоянное место жительства, она попросила присмотреть за мной, до тех пор, пока я во время пересадки в Вене я не попаду в руки, предупрежденных заранее сотрудников сохнута. В самолете было очень жарко. Еще до взлета я был весь мокрый от пота. Мои страдания возросли, когда я преодолевал все усиливающее желание помочиться. Но, ни подать знак движением руки, ни слово молвить я, как-ни пытался, не смог. Мои соседи были слишком заняты своими переживаниями. Они обратили на меня внимание только тогда, когда я вынужденно облегчил свое положение. Тяжелый запах усиливался со временем, но ничего другого, кроме тряпки, брошенной между ботинками, бортпроводница придумать не смогла. Чем больше я потел, тем сильнее мне хотелось пить. Пассажиры смотрели на меня с жалостью.

- Эй, как тебя там? Не хочешь ли пить? – Несколько раз, оборачиваясь ко мне, спрашивал сосед с переднего кресла. Но я сидел, как истукан. Не получив ответа, он продолжал заниматься своими делами.

В Вене меня встретили два работника сохнута. Они усадили меня в коляску, напоили и отвезли в гостиницу. Я не понимал их языка. Больше всего меня поразило то, что они все время улыбались мне. Улыбки, обращенной ко мне, я не помнил с детства моей дочери. На следующий день я прилетел в аэропорт «Бен Гурион». Меня вынесли, посадили в коляску, но тут выяснилось, что куда-то пропала записка с адресом сестры.

Не буду Вас мучить долгими подробностями. В больнице Тель-Ашомер у меня обнаружили довольно редкое заболевание – болезнь Вильсона. При ней нарушается вывод меди из организма. Медь скапливается в тканях и отравляет их. Особенно страдает нервная система. Вот почему я был парализован. Мне назначили препарат, способствующий выводу меди из организма. Несколько месяцев я провел в реабилитационном центре больницы Левенштейн, а затем

был направлен сюда в гериатрический центр, так сказать, на постоянное место жительства. Теперь я практически здоровый человек. Жаль только, что жить я начал так поздно. Вы спрашиваете, почему я называю место, где я живу, таким казенным термином, как гериатрический центр? Да, по сути дела, гериатрический центр - это дом престарелых. Однако это словосочетание вызывает во мне далеко не радостные воспоминания о том приюте, который не имеет ничего общего с моим нынешним местом обитания. Из-за этого мне было бы стыдно сказать кому-либо, что я живу в доме престарелых.

Меня называют рыжим. Но эта кличка меня не оскорбляет. Напротив, я чувствую в ней теплоту. К этому трудно было привыкнуть, потому что с детства кличка «рыжий» имела для меня оскорбительный смысл. Рыжий – значит изгой.

Глава IV. О чем рассказали евреи?

Озверение

Вероятно, что каждый читатель воспримет эти рассказы по-своему. Кто-то пожалеет героев, а некто и позлорадствует. Я же, благодаря ним, понял причины озверения современной России, где большинство населения мечтает о Великой Империи, с которой будут считаться не потому, что в ней живут счастливые и обеспеченные люди, а потому что будут бояться ее, как при Сталине. Я понял, почему так легко Путин смог убедить россиян, что Россия окружена врагами, которые стремятся завладеть ее богатствами, а значит личными врагами каждого россиянина. Не удивительно, что для большинства россиян демократия это не просто пустой звук, а способ иностранных разведок разрушить самобытное устройство России, а либералы – это предатели, с помощью которых иностранные державы хотят унижить Великую Россию.

Весь этот комплекс неполноценности возник не сейчас. Октябрьский переворот 17-го года был организован как интеллектуалами, так и "кухаркиными детьми". Трудно теперь сказать, чем бы закончился этот эксперимент, если бы власть не захватили плебеи. Ужас, который вселяла "революционная Россия" своим средневековым поведением вызвал на Западе великую социальную революцию. Этот ужас был и в самом бесправном обществе, которое унижало и уничтожало миллионы лучших граждан, обосновывая свои злодеяния лживой фразеологией. И это отчетливо чувствуется в каждом из трех повествований. Проходили десятилетия, пока люди начинали понимать, что действительность противоречит идеологии. Но, ни у одного из рассказчиков, даже за пределами СССР, не возникала или не была высказана мысль, что основная беда страны и людей была в диктатуре – диктатуре хама.

Сталин, как и Гитлер, как Пол Пот, Мао-Цзедун, Ким Ир Сэн, Саддам Хусейн, Каддафи и другие диктаторы был невоспитанным и малообразованным плебеем. В борьбе с ненавистными интеллектуалами он поднял из самых низов верных ему без рассуждения, т.е. таких же, как он беспринципных и понятных ему хамов. Постоянное зомбирование населения и контроль за каждым, приводило или к чрезмерной любви к диктатору, или к отвращению к нему. Последних заставили молчать, убивая неосторожных. И сейчас россияне пожинают результаты того зомбирования. И хотя уже нет идеологической подоплеки вражды со всем миром, так как нет противоречий с капитализмом, борьба с Западом, борьба с либералами и другими инакомыслящими сейчас выступает как защитное оружие диктатора. В отличие от человека воспитанного, у которого прививкой от диктатуры служат заложенные в нем принципы, психология человека из низов – преуспеть любой ценой.

Я думаю, что речь идет о закономерности, на основании которой нельзя допускать к власти людей, воспитанных в "кухаркиных" семьях. Речь идет не об образовании, а о воспитании в семье, когда закладываются жизненные принципы и верования. Человек, воспитанный в христианской семье, не ищет в исторической литературе и документах свидетелей процесса непорочного зачатия. Он не подвергает сомнению этот невероятный с научной точки зрения факт, о котором он узнал в раннем детстве. Если также думают более миллиарда людей, значит заложенные в детстве представления, сохраняются, не подвергаясь критическому анализу на протяжении жизни. Во всяком случае, у большинства людей. Это же касается основных жизненных принципов, таких как честность, верность, отношение к женщине, толерантность. В этот же период закладываются принципы взаимоотношения с людьми и представления о демократии.

Нынешнее взрослое население России являются заложниками советского воспитания. Россияне, как это было при коммунистах, произвольно ощущают себя в стране, окруженной то ли врагами, то ли конкурентами, или, в крайнем случае, недоброжелателями. Вместо того чтобы вместе с демократическими странами бороться против экстремизма в любых его проявлениях, Россия противопоставляет себя этим странам, вступая в союз с экстремистскими и диктаторскими режимами. И это, безусловно, на руку российскому президенту. Он же и развернул российскую внешнюю политику на 180 градусов. Теперь критика со стороны Запада ему не указ. Известно мол, за свои интересы ратуют. У нас другая - "суверенная демократия".

Во всех демократических цивилизованных странах оппозиционные партии являются необходимым противовесом правящей партии или коалиции партий. Никто не сомневается в том, что их лидеры честные патриоты. Иностранные политические деятели при посещении страны, как правило, встречаются с лидерами оппозиции. В России в борьбе за неконтролируемую власть часть оппозиционных партий угрозами и подачками приручили. А другие партии, в самом деле, опасные для нынешнего руководства, используя подвластные суды и средства коммуникаций, представили населению пятой колонной. Это было легко сделать, потому что зомбированное при Советах население, привыкло к борьбе с внутренним врагом.

Восхождение

С самого начала, когда Борис Николаевич Ельцин в августе 1999 года избрал Путина на должность премьер министра, возникло ощущение, нечистой сделки. Все предыдущие назначения премьеров, хотя и были решениями с царского плеча, имели хоть какое-то разумное объяснение. Черномырдин был уволен, потому что назревала экономическая

катастрофа, и нужно было подставить энергичного молодого специалиста в надежде, во-первых, попробовать амортизировать надвигающийся кризис, а, во-вторых, свалить на новую не политическую фигуру ответственность за все решения. Очень может быть, что эта была инициатива самого Черномырдина. И надо сказать, что он вывернулся почти без потерь. Заменявший его Кириенко сделал черную работу, которая не могла понравиться ни народу, ни властным структурам. Ельцин его убрал через 5 месяцев, отряхнув руки от пережитого. Он даже попробовал вновь посадить Черномырдина на эту должность, но Дума его не утвердила.

Как результат перенесенного дефолта экономика страны стала поправляться. Появилась политическая стабильность. Все это сопровождало премьерство Евгения Примакова. Отставка Примакова была встречена населением резко негативно: 81% опрошенных фондом «Общественное мнение» заявили, что не одобряют её, так как правительству Примакова удалось добиться экономической и политической стабилизации. Хотя решение Ельцина было необоснованно и не патриотично, но, во всяком случае, оно казалось понятным: он устранил конкурента перед предстоящими в 2000 году выборами.

Больной, рано состарившийся, не владеющий ситуацией президент мог вести себя так только с подачи близких ему людей – "семьи". Значит, они опасались этого здравомыслящего, честного и эффективного премьера, каким, безусловно, являлся Евгений Примаков.

Однако отстранение, сменившего Примакова Степашина, который находился в кресле премьера всего три месяца, выглядит совершенно не логичным. В то время его отставку связывали не с личной опалой, а с необходимостью обеспечить реальную передачу власти от [Ельцина](#) Путину, на котором президент окончательно остановил свой выбор как на преемнике". Почему Ельцину вдруг необходимо было менять

Степашина на Путина, у которого не было опыта ни в экономических, ни в международных делах? Путин в это время вообще мало кому был известен. И президент в тот период редко приезжал в Кремль, все время находился в Барвихе, и ходили слухи, что всем заправляла "семья", ставя президентскую печать на документы. Недееспособность президента бросалась в глаза.

В своей книге пенсионер Ельцин писал, что еще в апреле 1999 года он принял решение сделать Путина своим наследником. А, между тем, 12 мая назначил на должность премьер-министра Сергея Степашина. Объяснение, что это была его многоходовая комбинация, могла вызвать только смех у тех, кто был рядом с президентом и знал о его состоянии: - Не зря задавался вопрос: - "Под чью диктовку писал Ельцин?". Назначение Владимира Путина на пост премьер-министра действительно вызвало недоумение у большинства политических наблюдателей, как в России, так и за ее пределами. А слова Ельцина о том, что он видит в Путине своего преемника на посту президента, и что именно Путин "сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию", вызвали раздражение большинства политиков. "Сплошной абсурд власти", - заметил по этому поводу Юрий Лужков. "Акт безумия", - поддержал столичного мэра Борис Немцов. "Клиника", - откликнулся Геннадий Зюганов. Почти все газеты писали о том, что даже предположение о возможности избрания Путина на пост президента России - это всего лишь одна из наиболее экстравагантных политических фантазий престарелого Ельцина. Анализ ситуации показывает, что выбор в пользу Путина Ельцин сделал под давлением, которому он не смог противостоять.

Приближался срок президентских выборов. Обиженный неоправданной отставкой, поддерживаемый многими политиками, в борьбу за президентское кресло вступил Евгений Примаков. 28 августа 1999 года

Москве состоялся учредительный съезд избирательного блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР), состоящий из движения «Вся Россия» и объединения «Отечество». Председателями блока были избраны Евгений Примаков и Юрий Лужков. Блок считался фаворитом выборов. Однако в ходе избирательной кампании в результате активного участия Березовского этот блок разделился на Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») – 46 членов Думы, которые на предстоявших президентских выборах намеревались поддержать кандидатуру Путина, и фракцию "Регионы России" – 39 членов думы, продолжающих считать своим лидером Примакова. В это время, по свидетельству Ивана Петровича Рыбкина, Владимир Путин был частым посетителем кабинета Березовского.

В Википедии мы читаем: - Дочь первого президента России Бориса Ельцина Татьяна Юмашева написала в своём блоге в Живом Журнале, что у истоков создания «Единой России» стоял Борис Березовский: «Сейчас „Единая Россия“ не любит вспоминать, что Березовский имел какое-то отношение к идее возникновения „Единства“. Но история — есть история. Нельзя забывать тех, кто стоял у её истоков. Иначе это напоминает историю ВКП(б), которую каждый раз тщательно переписывали, когда очередной её основатель оказывался врагом народа»

Эта параллель не случайна и очень точна. Путин не только почитатель Сталина. Он его последователь. Он поставил на колени почти всю страну. Желаящие что-то добиться в жизни благодарно, с почтением и страхом принимают блага из его рук. А те, кто напротив, либо в тюрьме, либо в бегах. В отличие от параноика Сталина, Путин не прибегает к массовым репрессиям. Он делает только необходимые штрихи-намеки. И все понимают - он всесилен и надолго. Камуфляж, прикрывающий его власть над правоохранительными органами, судом и телевидением,

прозрачен. Тем очевиднее его пренебрежение демократическими принципами.

Путин не кровожаден, за исключением своих врагов, которых он готов "мочить в сортире". Он бескомпромиссен с Саакашвили. Но трогать его пока не смеет. Березовский и его сторонники находятся у него на особом счету. Многочисленные покушения на Бориса Березовского в Лондоне до сих пор не раскрыты. Это явно дело рук специалистов с неограниченными средствами. Бездоказательные обвинения Березовского в убийстве его же сторонников: Александра Литвиненко, Сергея Юшенкова, Владимира Головлева, а также Анны Политковской и Владислава Листьева не могут не вызывать отвращения. Борис Березовский жил в демократической стране, где преступники и тем более убийцы на свободе не гуляют. А человека, подозреваемого английскими следственными органами в убийстве Литвиненко, избрали в Российский парламент – в Думу. Как правоохранные органы России до завершения расследования узнали, что преступление, совершенное в Англии, не дело рук Лугового? Поведение российской власти выдает убийцу с головой. И можно ту тройку чиновников, которые вынесли смертный приговор за предательство ФСБ. Когда же нашли путь к убийству Березовского, запустили пропагандистскую кампанию не только для его очернения, но и для убеждения общественного мнения в возможности его самоубийства. Мол, он стал нищим, никому ненужным, в депрессии, т.е. его же обвинили в убийстве самого себя.

У нас остались без ответа 5 вопросов:

1) Известно, что Путин никогда не сдает своих людей. Почему же он преследовал создателя партии, которая привела его к неограниченной власти?

2) Кто и как заставил Ельцина, вопреки здравому смыслу назначить Путина своим приемником?

3) Почему Березовский, добившись избрания Путина президентом, почти сразу стал его противником и в том же 2000 году был вынужден эмигрировать из России?

4) Какие документы угрожал обнародовать Березовский и, почему он этого не сделал, несмотря на то, что обвинял Путина в других очень серьезных преступлениях, как например, во взрывах домов и в личном обогащении?

5) Под чью диктовку Ельцин писал свою книгу?

На все эти и другие вопросы, возникающие при изучении исторических фактов, можно ответить, если предположить, что между Владимиром Путинным и Борисом Березовским имелся сговор в организации государственного переворота в России.

Березовский, будучи в свое время близким человеком "семьи", знал о фактах, порочащих имя президента. Почему для шантажа он выбрал Владимира Путина? Во-первых, для того, чтобы не дать президенту вырваться из подготовленного капкана. Имеется в виду силовая составляющая Путина, как руководителя ФСБ и Совета Безопасности. Во-вторых, он явно недооценил Путина, предполагая, что сможет им руководить. Президенту было предложено: либо почетная пенсия и назначение Путина премьер министром, либо позор, импичмент или даже тюрьма.

Когда Путин в результате шантажа пришел на вершину власти, Березовский был для него самым опасным свидетелем, который, к тому же обладал порочащими документами. Поняв это, Березовский быстро

слинял за границу. Эти документы до сих пор не были опубликованы, так как они компрометировали обоих заговорщиков.

Прошло более 12 лет. С тех пор на Березовского было навешено столько собак, что, в конце концов, то преступление, которое он совершил, в самом деле (организация государственного переворота), представлялось уже мелким проступком. Поэтому 6 мая 2012 г. он заявил, что готов предстать перед «справедливым открытым судом» за участие в поддержке Путина в 1999— 2000 годах и тем подписал себе смертный приговор.

Можно ли представить, что такой игрок как Березовский, который потратил годы и немалые средства на борьбу с путинским режимом, смог сделать такой подарок своему ненавистному оппоненту? Нет, такой поступок выглядит не только не логичным, но совершенно невероятным. Не уберегся и повторил судьбу Льва Давидовича Троцкого.

Антисемитизм

Антисемитизм – это защитная реакция хамства от осознания собственного убожества. И это также часто употребляемый громоотвод от недовольства народных масс, который периодически воспламеняет в народе неугасаемую с давних времен ненависть к евреям. На примере города Рогачева мы видим, что произошло в стране победившего хамства. За последние 100 лет общее население города увеличилось незначительно. Но качество жизни явно ухудшилось. Если в 1913 году в городе функционировало 30 крупных предприятий, то в 2013 году перечисляется только 6. Если 100 лет назад функционировали, по меньшей мере, 6, а по некоторым данным 10 гостиниц, то ныне

функционирует одна небольшая. Сейчас город гордится только дореволюционными постройками. В Рогачеве почти не осталось евреев, и их вычеркнули из истории города.

Царское правительство ценило население только по производству продуктов питания. Еврейское население, которое не участвовало непосредственно в этом производстве, считалось только его потребителем, нахлебником, который объедает белорусское крестьянство и является, таким образом, одной из основных причин периодического голода в Белоруссии. В середине 19 века была попытка переселить часть евреев в южные районы Малороссии (Украины), чтобы приучить их работать на земле. Но опыт не удался. Евреи сбегали в города, в том числе и в Одессу.

Советская власть в лице невежественного диктатора ломала все через колено и у нее начало получаться. Для этого она лишила индивидуальных работников политических прав и средств к существованию. Параллельно она одурманивала молодежь лживыми политическими лозунгами. И наконец, ввела прописку, т.е. сделала переселенцев крепостными крестьянами. Это одна сторона еврейской проблемы. Ее другая сторона заключается в том, что города, в которых до революции жили евреи, лишили богатой городской инфраструктуры. А окружающие села оставили без посредников. Эта власть могла выжить, только уничтожая и запугивая своих граждан. Власть почила. Но зомбированное население легко отдала правление в руки диктатора за надежду на сытую жизнь.

Чувства ненависти и отвращения к евреям, которые веками настраивала христианская церковь у своей паствы в борьбе с иудаизмом, передавались из поколения в поколение как абсолютная вера. Человек может осознавать некоторую предвзятость, ощущать

стыдливость, но как нам показал Александр Солженицын, не может побороть свои чувства. Пробужденный Сталиным антисемитизм, который во времена его невежественных наследников стал государственным антисемитизмом, живет и процветает в словах и делах россиян. И он начинает разгон. На судебном процессе по делу сельского учителя Ильи Фарбера государственный обвинитель Павел Верещагин сказал: - "А может ли человек по фамилии Фарбер бесплатно помогать деревне?". Илья Фарбер получил 7 лет строгого режима потому, что судья имел такой же взгляд на жизнь.

Куда идешь, Россия?

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

